В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

З. ТАИПОВ

З. ТАИПОВ

В БОРЬБЕ ЗА СВОБОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

9 И
Т 14

Ответственный редактор
Т. Р. Рахимов

Таипов З. Т.

Т 14 В борьбе за свободу. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

120 с. с илл.

В мемуарах рассказывается об одном из самых ярких и интересных периодов освободительной борьбы народов Синьцзяна — восстании трех округов в 1944 г. и о рождении в результате этого восстания Восточно-Туркестанской Республики.

9 И

Т $\frac{10605\text{-}158}{013(02)\text{-}74}$ Б3-30-10-74

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания Зунуна Таипова «В борьбе за свободу» посвящены одному из важнейших периодов в истории национально-освободительной борьбы уйгуров, казахов и других народов современного Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Воспоминания воссоздают перед читателем героические страницы борьбы народов Синьцзяна против гоминьдановской реакции в 1944—1949 гг. и рождение в ходе этой борьбы Восточно-Туркестанской Республики (ВТР).

Зунун Таипов принимал непосредственное участие в событиях, о которых идет речь в воспоминаниях. В прошлом он был рабочим кожевенного завода в городе Кульдже, а в период существования Восточно-Туркестанской Республики — заместителем командующего Национальной армией ВТР. После образования КНР он занимал различные ответственные посты; так, в 1950—1960 гг. работал заместителем начальника штаба Синьцзянского военного округа. В 1955 г. решением правительства КНР ему было присвоено звание генерал-майора Народно-освободительной армии Китая. В связи с курсом маоистов на преследование активных участников национально-освободительного движения Зунун Таипов в 1961 г. вынужден был эмигрировать в Советский Союз. В настоящее время он живет и трудится в Алма-Ате.

Синьцзян-Уйгурский автономный район — самый большой район КНР, расположенный на северо-западе страны. Общая его площадь 1710 тыс. *кв. км*, что составляет шестую часть территории КНР. Административный центр его — город Урумчи.

Синьцзян-Уйгурский автономный район граничит на севере, северо-западе и западе с Советским Союзом (с Казахской, Киргизской и Таджикской ССР), на северо-востоке — с Монгольской Народной Республикой, на юго-западе — с Афганистаном, а на юге — с Индией и с Тибетским автономным районом КНР, на востоке — с провинциями Цинхай и Ганьсу. Граница его с Советским Союзом имеет наибольшую протяженность — более 3 тыс. *км*.

По официальным данным на 1966 г., численность населения Синьцзян-Уйгурского автономного района — 8 млн. человек. В связи с массовым переселением сюда в последние годы китайцев из густонаселенных внутренних районов Китая численность населения этого района сейчас достигла примерно 10 млн. человек.

Коренным и самым многочисленным населением района являются уйгуры (5 млн.) — один из древнейших тюркоязычных народов Центральной Азии. В настоящее время они составляют половину населения этого района. Уйгуры расселены по всему Синьцзян-Уйгурскому автономному району. Однако большинство их проживает в южной его части. Такие оазисы, как Черчен, Керия, Каргылык, Хотан, Каракаш, Яркенд, Мэркит, Маралбеши, Куча, населены исключительно уйгурами. В других крупных оазисах (Кашгар, Аксу и др.) уйгуры составляют подавляющее большинство населения (90—95%). На севере автономного района они живут также во всех более или менее крупных населенных пунктах. Особенно их много в Илийском округе, в Турфанском, Хамийском и других оазисах.

После уйгуров крупным тюркоязычным народом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе являются казахи. Их не менее 600 тыс. человек. Синьцзянские казахи населяют преимущественно Тарбагатайский, Алтайский и частично Илийский округа, которые в настоящее время составляют в административном отношении Или-Казахский автономный округ. Кроме того, казахи проживают на обширных пространствах к северо-востоку и востоку от Урумчи.

В Синьцзян-Уйгурском автономном районе проживают также дунгане (около 200 тыс.), монголы (около 150 тыс.), киргизы (около 100 тыс.), таджики (около 20 тыс.), узбеки, сибинцы, дагуры и др.

До 1949 г. китайцев в Синьцзяне было сравнительно немного (около 300 тыс.). Их численность стала сильно расти с момента образования КНР. Темпы переселения китайцев в Синьцзян-Уйгурский автономный район особенно возросли за последние годы. В настоящее время общая численность проживающих в Синьцзяне китайцев не менее 4 млн. человек. Большинство переселенных — молодежь.

История некитайских народов, населяющих современный Синьцзян-Уйгурский автономный район, в частности история уйгурского народа, уходит в глубокую древность. Известные русские и советские востоковеды Д. Позднеев, Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, В. В. Радлов, Чокан Валиханов, Н. Н. Аристов, Н. Н. Потанин, К. Н. Пантусов, А. Казембек, С. Е. Малов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, К. К. Юдахин, А. К. Боровков, Н. А. Баскаков, А. Н. Бернштам, Д. И. Тихонов, А. Ю. Якубовский, К. А. Усманов, Э. Р. Тенишев, Э. Н. Наджип, Л. Н. Гумилев, А. А. Валитова, М. К. Хамраев, А. Т. Кайдаров, К. Х. Хасанов, С. Г. Кляшторный, Г. Садвакасов и многие другие

отмечают, что уйгуры являются одним из древнейших народов Центральной Азии со своей самобытной культурой и аборигенами Восточного Туркестана, как назывался современный Синьцзян-Уйгурский автономный район до его завоевания Цинами.

На протяжении многих столетий народы Синьцзяна вели непрерывную героическую борьбу против своих угнетателей за национальную свободу и независимость. Последним крупным национально-освободительным движением уйгурского, казахского и других некитайских народов было вооруженное восстание, начавшееся в 1944 г.

Жесткий национальный гнет гоминьдановской реакции, политическое бесправие уйгуров, казахов и других народов, усилившиеся особенно в последние годы господства авантюриста Шэн Ши-цая [1] и сменившего его в 1944 г. У Чжун-синя [2], а также тяжелое экономическое положение широких народных масс явились предпосылкой и главной причиной вспыхнувшего в октябре 1944 г. восстания [3].

---

[1] Шэн Ши-цай — губернатор Синьцзяна в 1933—1944 гг., милитарист, стремившийся к личной диктатуре. Совершив переворот, или так называемую «революцию 12 апреля 1933 г.», Шэн Ши-цай захватил власть в Синьцзяне и обнародовал свой «манифест», в котором провозглашались национальное равноправие, свобода вероисповедания, помощь сельскому хозяйству, развитие просвещения и т. д. От имени нового синьцзянского правительства он выдвинул «политику 6 принципов»: борьба с империализмом, дружба с СССР, развертывание экономического и культурного строительства и т. д. Как показали последующие события, все эти декларации Шэн Ши-цая оказались чистой демагогией. Он просто ставил перед собой задачу расколоть развернувшееся в 1931—1934 гг. повстанческое движение народов Синьцзяна и утвердить свою власть.

[2] У Чжун-синь — ярый гоминьдановец, реакционер. С приходом У Чжун-синя к власти террор, аресты, расстрелы и преследования демократических сил в Синьцзяне еще более усилились, экономика Синьцзяна стала катастрофически деградировать, а широкие массы нищать.

[3] Подробнее об этом движении см.: Т. Рахимов, В современном Китае. — «Пограничник», 1948, № 3, стр. 63—71; А. Г. Яковлев, К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944—1949 гг., — «Ученые записки Института востоковедения», т. XI. Китайский сборник, М., 1955, стр. 155—188; М. Кутлуков, Национально-освободительное движение 1944—1949 гг. в Синьцзяне как составная часть китайской народной революции. — «Сборник работ аспирантов. Отделение общественных наук АН УзбССР», вып. 2, Ташкент, 1958, стр. 261—304; М. Кутлуков, О характере и движущих силах национально-освободительного движения народов Синьцзяна в 1944—1949 гг., — «Научные работы и сообщения. Отделение общественных наук АН УзбССР», кн. 5, Ташкент, 1962, стр. 255—271; К. Ф. Котов, Местная национальная автономия в Китайской Народной Республике (на примере Синьцзян-Уйгурской автономной области), М., 1959.

В результате вооруженной борьбы народов Синьцзяна против жестокого гнета гоминьдановских реакционных сил три его округа (Тарбагатайский, Илийский и Алтайский) [4] уже к сентябрю 1945 г. были очищены от гоминьдановцев. На освобожденной территории была установлена народно-демократическая власть, которая создала свою национальную армию, отменила китайское название «Синьцзян» [5] и провозгласила возрождение свободной, независимой Восточно-Туркестанской Республики. Были опубликованы декларация, принятая 5 января 1945 г., и другие законодательные документы республики, предусматривавшие уничтожение антинародного, ненавистного режима гоминьдановской реакции в Синьцзяне, дальнейшее укрепление Восточно-Туркестанской Республики, проведение демократических реформ, развитие экономики, культуры и просвещения, повышение жизненного уровня населения, подготовку национальных кадров и другие прогрессивные мероприятия (см. стр. 106 настоящих воспоминаний).

В успешном развитии национально-освободительного движения народов Синьцзяна решающую роль сыграла созданная в феврале 1945 г. Национальная армия Восточно-Туркестанской Республики, о которой подробно говорится в воспоминаниях Зунуна Таипова. Армия ВТР была по своему составу многонациональной. В ее рядах против гоминьдановских войск плечом к плечу сражались уйгуры, казахи, монголы, киргизы, узбеки и другие народы Синьцзяна. За короткий срок Национальная армия была хорошо оснащена военной техникой, захваченной главным образом у гоминьдановских войск. К осени 1945 г. Национальная армия насчитывала в своих рядах с учетом партизан на местах уже 30 тыс. человек.

В сентябре 1945 г. Национальная армия ВТР, разгромив гоминьдановскую армейскую группировку численностью около 20 тыс. человек и полностью освободив три северных округа Синьцзяна, вышла к реке Манас, угрожая непосредственно Урумчи [6].

---

[4] В Синьцзяне в 1949 г. было 10 округов.

[5] Название «Синьцзян» было дано краю после его завоевания Цинами. Слово «синьцзян» — китайское и состоит из двух частей: «синь» — новый и «цзян» — граница, территория. Сочетание этих слов означает «новая граница», «новая территория» и ассоциируется в сознании уйгуров, казахов и других некитайских народов, населяющих Синьцзян, с завоевательной политикой китайских императоров, с чудовищными зверствами и массовыми расправами захватчиков при покорении края.

[6] О ходе военных действий см. также: М. Кутлуков. Национально-освободительное движение 1944—1949 гг. в Синьцзяне как составная часть китайской народной революции,— «Сборник работ аспирантов. Отделение общественных наук АН УзбССР», вып. 2, Ташкент, 1958.

Победа вооруженных сил ВТР и их приближение к Урумчи вызвали большую панику среди гоминьдановцев. В то время становилось реальным крушение ненавистной гоминьдановской власти во всем Синьцзяне и, казалось, что оно может наступить в течение нескольких недель.

В ответ на свои поражения озлобленные гоминьдановцы усилили репрессии, террор и преследования демократических элементов в районах, находящихся под их контролем. В 1945 г. только в Урумчи было брошено в тюрьмы более тысячи человек. По приказу главаря гоминьдановских властей в Синьцзяне У Чжун-синя в сентябре 1945 г. в Манасе и Хутуби китайские солдаты жгли кварталы местного населения и расстреливали их жителей как сочувствующих повстанцам.

Рост популярности Восточно-Туркестанской Республики среди населения Синьцзяна, успехи Национальной армии, которую активно поддерживали народы Синьцзяна, паника гоминьдановских властей в связи с создавшимся положением в Синьцзяне и другие факторы вынудили правительство Чан Кай-ши принять срочные меры, обеспечивающие сохранение гоминьдановской власти в этом далеком крае и приостановку распространения власти ВТР на другие районы Синьцзяна. В осуществлении замыслов и политических маневров гоминьдановской реакции в отношении Синьцзяна активную и главную роль сыграл в то время генерал Чжан Чжи-чжун [7].

Правительство Чан Кай-ши поручило ему вступить в контакты с представителями ВТР с целью подготовки условий для мирных переговоров и в случае необходимости пойти даже на некоторые уступки уйгурам, казахам и другим некитайским народам Синьцзяна. Со стороны ВТР большую роль сыграл в подготовке переговоров с представителями Чан Кай-ши Ахмеджан Касими [8].

---

[7] Чжан Чжи-чжун (1891—1969 гг.) — генерал, крупный политический деятель гоминьдановского Китая. Был членом ЦИК гоминьдана и доверенным лицом Чан Кай-ши. В 1944 г. участвовал в переговорах между гоминьданом и КПК. В 1945 г. был назначен гоминьдановским правительством на пост специального представителя по делам Синьцзяна. После образования КНР и вплоть до своей смерти в апреле 1969 г. работал заместителем председателя Государственного комитета обороны КНР. «Этот бывший чанкайшистский генерал, — отмечалось в сообщении, опубликованном в „Правде" 12 апреля 1969 г., — командовал гоминьдановскими войсками, которые до образования КНР участвовали в карательных походах в освобожденных районах страны, находящихся под контролем КПК, и жестоко подавляли национально-освободительное движение в Северо-Западном Китае, и в частности в Синьцзяне».

[8] Ахмеджан Касими — видный политический деятель Синьцзяна, высокообразованный человек, несколько лет жил и учился в Советском Союзе. Во время господства Шэн Ши-цая возвратился на родину и вскоре же был арестован. После освобождения из тюрьмы

Как известно, окончание второй мировой войны в результате разгрома фашистской Германии и империалистической Японии коренным образом изменило соотношение сил в Китае. Коммунистическая партия Китая и возглавляемые ею демократические силы страны получили возможность завершить народно-демократическую революцию.

В 1945 г. в Китае разгорелась острая борьба по вопросу о дальнейших перспективах развития страны. Учитывая усталость трудящихся масс Китая от длительной антияпонской и гражданской войн, широкое распространение в народе настроений о мире, компартия Китая выдвинула требования об установлении внутреннего мира, немедленной ликвидации реакционной диктатуры гоминьдана и демократизации страны, в частности лозунг об образовании демократического коалиционного правительства. Эта линия КПК была изложена в «Декларации ЦК КПК о современной обстановке» от 25 августа 1945 г.[9] и «Сообщении ЦК КПК о предстоящих мирных переговорах с гоминьданом» от 26 августа 1945 г.[10] Большинство китайского народа поддерживало выдвинутые компартией Китая требования, надеясь на то, что и сами чанкайшисты также говорят о демократическом развитии страны и что они добровольно, не прибегая к насилию, передадут власть демократическому коалиционному правительству.

Кроме того, по настоянию правительства Советского Союза на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США, Англии, которое происходило в декабре 1945 г., было принято решение, в котором отмечалась необходимость мирного объединения Китая и прекращения «гражданской борьбы». Три державы взяли на себя обязательство придерживаться принципа невмешательства во внутренние дела Китая. Эта дипломатическая акция, предпринятая по инициативе Советского Союза, имела большое значение для китайской революции. Она предотвратила прямую вооруженную интервенцию США в Китае.

В этих условиях, когда за мирную демократизацию Китая и предотвращение гражданской войны выступало не только подавляющее большинство китайского народа, но и Советский Союз, к кото-

---

активно включился в национально-освободительное движение народов Синьцзяна, впоследствии став его руководителем. «Ахмеджан Касими,— писала „Синьцзян гезити“ 11 июня 1951 г.,— был передовым представителем уйгурского народа. Он был преданным идеям коммунизма борцом революции в Синьцзяне. Он владел научным методом марксизма-ленинизма и теорией классовых интересов трудящихся различных национальностей».

[9] «Цзефан жибао», 27.VIII.1945; Хрестоматия по новейшей истории, т. 3, ч. 1, М., 1961, стр. 264—266.

[10] Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, Пекин, 1964, т. 4, стр. 51—55 (на кит. яз.).

рому хотя бы формально вынуждены были присоединиться США и Англия, руководство КПК должно было поддерживать лозунги мира, демократии и сплочения, с тем чтобы взять в свои руки политическую инициативу. Учитывая все вышеизложенное, КПК начала мирные переговоры с гоминьданом. Они продолжались с перерывами с осени 1945 г. до марта 1947 г.

В сложившейся обстановке на международной арене и внутри Китая, которая не могла не отразиться на развитии национально-освободительного движения в Синьцзяне, началась работа по подготовке мирных переговоров между представителями Восточно-Туркестанской Республики и гоминьдановского правительства. «Наше географическое положение, — писал Ахмеджан Касими, — требует от нас ведения нашего национально-освободительного движения с учетом международной обстановки. Кто не руководствуется этим принципом, тот не может проявить заботу о своем народе и защищать его интересы» [11].

Соглашаясь с предложением гоминьдановцев о мирных переговорах, представители ВТР учитывали общий курс КПК на мирное урегулирование внутриполитических проблем. «Руководители национально-освободительного движения народов Синьцзяна, — говорится в „Кратком очерке истории уйгуров", изданном в Урумчи, — руководствуясь политической линией Коммунистической партии Китая, приняли предложение Чан Кай-ши о мирном урегулировании синьцзянского вопроса» [12].

Представители ВТР исходили также из того, что мирные переговоры дадут возможность избежать излишнего кровопролития и жертв, вырвать у гоминьдановского правительства уступки, обеспечивающие мирное развитие национально-освободительного движения в Синьцзяне. Они также считали, что мирные переговоры будут способствовать сохранению и укреплению завоеваний народов Синьцзяна в трех северных округах до того времени, когда победит народно-демократическая революция в Китае, которая и должна разрешить национальный вопрос в стране, в том числе в Синьцзяне, на основе принципов марксизма-ленинизма. В связи с этим представители ВТР справедливо выражали свою уверенность в том, что уйгуры и другие угнетенные народы Синьцзяна получат после победы революции либо самостоятельную государственность типа Монгольской Народной Республики, либо государственный статус наподобие республик Советского Союза. И это полностью соответствовало решениям и деклара-

---

[11] Ахмеджан Касими, Избранные произведения, Урумчи, 1950, стр. 138 (на уйгур. яз.).

[12] Краткий очерк истории уйгуров, Урумчи, 1959, стр. 107 (на уйгур. яз.).

циям компартии Китая, принятым в годы народно-демократической революции.

В соответствии с достигнутой договоренностью 17 сентября 1945 г. обе стороны — Национальная армия ВТР и гоминьдановские войска — прекратили военные действия, что создало благоприятную обстановку для мирных переговоров, начавшихся в октябре 1945 г. в Урумчи. В переговорах принимали участие делегации ВТР (Ахмеджан Касими, Рахимджан Сабирхаджиев и Абулхайри Тура) и генерал Чжан Чжи-чжун, приехавший в Урумчи в качестве специального представителя правительства Чан Кай-ши в сопровождении гоминьдановских чиновников (о ходе переговоров см. стр. 106—107).

В итоге переговоров, проходивших в очень трудных условиях, с перерывами в течение 8 месяцев и завершившихся только в июне 1946 г., было подписано мирное соглашение, состоящее из 11 пунктов. Соглашение предусматривало создание коалиционного правительства Синьцзяна в составе 25 человек, из которых 15 представителей от уйгуров, казахов и других народов Синьцзяна выдвигаются местным населением и утверждаются Центральным правительством Китая, а остальные 10 мест принадлежат китайцам, назначенным Центральным правительством. Соглашение предусматривало также выборность местных органов власти, полную свободу национальной культуры и национального языка, свободу печати, собраний и слова, создание национальных войсковых частей, прекращение гонений прогрессивных и демократических элементов, полную свободу религий и т. д.

В соответствии с соглашением 18 июня 1946 г. было сформировано коалиционное правительство Синьцзяна. Председателем правительства был назначен генерал Чжан Чжи-чжун, его заместителями — Ахмеджан Касими и Бурхан Шахиди [13]. В состав коалиционного правительства вошли и другие лидеры национально-освободительного движения народов Синьцзяна.

---

[13] Бурхан Шахиди — один из видных политических деятелей Синьцзяна. Во время господства в Синьцзяне Шэн Ши-цая находился в тюрьме (1937—1944 гг.). В 1949—1955 гг. был председателем народного правительства Синьцзяна. С 1955 г. Бурхан Шахиди работал в Пекине, где занимал ряд ответственных постов: заместитель председателя Постоянного комитета Народно-политического консультативного совета Китая, заместитель председателя Всекитайского комитета защиты мира, председатель Всекитайского общества мусульман, председатель китайско-египетского, китайско-пакистанского обществ культурной связи. Бурхан был большим другом Советского Союза. В своих публичных выступлениях он всегда подчеркивал огромную помощь Советского Союза китайскому народу в его освободительной борьбе и в период после образования КНР. В самом начале «культурной революции» он был репрессирован маоистами, в настоящее время судьба его неизвестна.

В соответствии с мирным соглашением в июне 1946 г. было объявлено о роспуске Временного революционного правительства ВТР. Численность Национальной армии сократилась на одну треть; она должна была состоять из шести полков, которые расквартировались на территории трех округов (Илийского, Тарбагатайского и Алтайского).

Оценивая значение мирного соглашения между представителями национально-освободительного движения народов Синьцзяна и гоминьдановского правительства, необходимо отметить, что оно было подписано накануне развернувшейся с новой силой гражданской войны и победы народной революции в Китае. Соглашение соответствовало политике руководителей КПК, которую они в то время проводили. Однако вплоть до лета 1949 г. руководство КПК не установило никаких контактов с представителями ВТР, хотя для этого была полная возможность.

Как показали события, развернувшиеся в Синьцзяне после подписания мирного соглашения, правительство Чан Кай-ши и не думало о выполнении его. Оно пыталось использовать соглашение о мире в Синьцзяне для укрепления своего пошатнувшегося положения в этом крае. Переговоры о мире и соглашение были очередным политическим маневром гоминьдановцев, рассчитанным на то, чтобы подорвать национально-освободительную борьбу народов Синьцзяна и, выиграв время, укрепить свою власть в этом крае. Вскоре гоминьдановцы грубо нарушили мирное соглашение. В Синьцзяне по-прежнему свирепствовали произвол и террор гоминьдановской реакции, бесчинства военщины, массовые аресты демократических элементов. Особенно в тяжелых условиях оказались представители бывшей ВТР, включенные в состав коалиционного правительства, в том числе Ахмеджан Касими, занимавший пост заместителя председателя провинциального коалиционного правительства. В мае 1947 г. на пост председателя правительства Синьцзяна вместо Чжан Чжи-чжуна гоминьдановским правительством был назначен Масуд Сабирхаджиев — уйгур по национальности, крупный помещик, ярый реакционер, верный слуга Чан Кай-ши, пантюркист. Правительство Чан Кай-ши пыталось преподнести назначение Масуда Сабирхаджиева как «серьезную уступку» уйгурам и другим народам Синьцзяна. Этот махровый гоминьдановец, выполняя волю своих хозяев, начал травлю и преследование прогрессивных элементов в Синьцзяне. Сотни и тысячи людей были брошены в тюрьмы.

Назначение Масуда Сабирхаджиева на пост председателя правительства и его реакционная деятельность вызвали недовольство населения и массовый протест общественности. Во многих городах Синьцзяна состоялись митинги и демонстрации против назначения Ма-

суда Сабирхаджиева. Дело дошло даже до того, что в июле 1947 г. сессия Совещательного комитета Синьцзяна выразила недоверие ему и отказалась признать его главой провинциального правительства. В ответ на это гоминьдановцы разогнали Совещательный комитет, а его члены были репрессированы.

Что же касается представителей бывшей ВТР, то они фактически были лишены возможности участия в работе правительства Синьцзяна. В этих условиях дальнейшее их пребывание в синьцзянском «коалиционном правительстве» становилось бессмысленным и политически неоправданным. В связи с этим они во главе с Ахмеджаном Касими 26 августа 1947 г. были вынуждены выйти из состава правительства и переехать в Кульджу — в главный город бывшей ВТР.

С выходом Ахмеджана Касими и других представителей ВТР коалиционное правительство прекратило свое существование. Таким образом гоминьдановцы сорвали мирное соглашение; они использовали его лишь для укрепления своих позиций в Синьцзяне. Вся деятельность гоминьдановцев в Синьцзяне со всей очевидностью подтвердила, что они являются главным врагом угнетенных народов Синьцзяна и что народы Синьцзяна могут добиться своего освобождения и независимости только в результате ликвидации реакционного гоминьдановского господства.

После отъезда из Урумчи представителей бывшей Восточно-Туркестанской Республики гоминьдановская реакция, которую активно поддерживало американское консульство в Урумчи, предприняла осенью 1947 г. ряд попыток уничтожить силой оружия базу национально-освободительного движения в трех северных округах Синьцзяна. Однако все попытки гоминьдановской реакции бесславно провалились и три округа Синьцзяна — Илийский, Тарбагатайский и Алтайский — оставались независимыми вплоть до победы народной революции в Китае. Народно-демократическая власть в этих округах продолжала прочно удерживать в своих руках политические и экономические позиции. Благодаря принятым властями трех округов мероприятиям определенное развитие получили сельское хозяйство и животноводство, улучшились материальные условия жизни населения. Заметные успехи были достигнуты и в области культуры, просвещения и здравоохранения.

В округах, находившихся под господством гоминьдановской реакции, по-прежнему продолжались террор, экономическая разруха, рост различных налогов и поборов, инфляция, небывалый рост цен на товары и т. д.

Все это еще более усилило возмущение народных масс, что в конечном счете привело к отставке Масуда Сабирхаджиева. 10 января 1949 г. Чан Кай-ши вынужден был сместить его с поста предсе-

дателя синьцзянского правительства и назначить на этот пост Бурхана Шахиди.

На обстановку в Синьцзяне в этот период решающее влияние оказали наметившийся в 1947—1949 гг. перелом в ходе гражданской войны в пользу народных сил во главе с КПК и приближающаяся, теперь уже несомненная, победа народной революции в Китае. Несмотря на огромную помощь американских империалистов правительству Чан Кай-ши, к концу 1949 г. континентальный Китай, в том числе и Синьцзян (за исключением Тибета, который был освобожден в 1951 г.), полностью был освобожден и гоминьдановская военная и государственная машина была уничтожена.

Всей политической работой, связанной с организацией национально-освободительного движения в Синьцзяне, занимались «Союз свободы», созданный в Кульдже в 1944 г., Демократическая революционная партия (ДРП), созданная в 1945 г.[14], и Революционный союз молодежи (РСМ). 1 августа 1948 г. в соответствии с решением Конференции представителей демократических организаций и групп, а также общественных деятелей Синьцзяна, состоявшейся в конце июля 1948 г. в Кульдже, была создана Ассоциация защиты мира и демократии в Синьцзяне. Руководителем Ассоциации был избран Ахмеджан Касими. Эта новая общественно-политическая организация сыграла большую роль в пропаганде идей дружбы народов Советского Союза и Китая, угнетенных народов Синьцзяна с китайским народом и разрешении национального вопроса в Китае в духе марксистско-ленинского учения. Ассоциация проводила также большую культурно-массовую и воспитательную работу среди населения. Благодаря усилиям и деятельности Ахмеджана Касими Ассоциация защиты мира и демократии превратилась в массовую политическую организацию и пользовалась большим влиянием среди населения.

Вместе с Ахмеджаном Касими огромный вклад в дело борьбы народов Синьцзяна за свою национальную независимость, свободу и демократическое развитие внесли и другие активные руководители ВТР — Далилхан Сугурбаев, Абдукерим Аббасов, Исхакбек Мунинов[15],

[14] Демократическая революционная партия — небольшая нелегальная политическая организация. В ее рядах состояли передовые элементы интеллигенции, которые ставили перед собою задачи осуществления радикальных социальных и экономических преобразований в Синьцзяне, ликвидации феодальных и полуфеодальных отношений. Руководители ДРП стремились также к утверждению на территории Синьцзяна независимой Восточно-Туркестанской Республики, превращению этой республики в государство трудящихся типа Монгольской Народной Республики и развитию ее по некапиталистическому пути.

[15] Исхакбек Мунинов был командующим Национальной армией Восточно-Туркестанской Республики, погиб в 1949 г.

а также руководители партизанских отрядов Гани-батур, Фатих-батур и др.

Национально-освободительное движение 1944—1949 гг. ставило перед собою в качестве основной задачи ликвидацию национального и колониального гнета гоминьдановской реакции в Синьцзяне. Главными движущими силами движения были бедные слои крестьянства, скотоводы, рабочие, национальная интеллигенция. Они представляли широкие слои трудящихся масс уйгуров, казахов и других народов Синьцзяна.

Победа китайской революции и образование Китайской Народной Республики коренным образом изменили политическое положение в Синьцзяне. В декабре 1949 г. было создано народно-демократическое правительство во главе с Бурханом Шахиди. Три северных округа вновь вошли в состав Синьцзяна.

Установление народной власти в Синьцзяне открывало путь к развитию всех населяющих его народов. Поэтому уйгуры, казахи и другие народы Синьцзяна рассматривали победу революции в Китае как предпосылку решения национального вопроса на основе принципов марксизма-ленинизма.

Еще в 1950 г., т. е. через год после образования КНР, руководители КПК официально запросили национальные кадры Синьцзяна о том, как они мыслят будущее государственно-правовое положение Синьцзяна, в частности уйгуров. Национальные кадры, основываясь на ленинских принципах самоопределения, высказывались за предоставление уйгурам возможности создать в рамках КНР свое национальное государство. В качестве примера они ссылались на государственное устройство народов Советского Союза, в частности на советский Казахстан и среднеазиатские республики. Было высказано также пожелание впредь именовать Синьцзян Уйгуристаном или как-нибудь иначе, что устранило бы историческую несправедливость.

Не решившись сразу же отвергнуть законные требования народов Синьцзяна, маоистское руководство КПК стало всячески оттягивать решение вопроса о государственно-правовом статусе Синьцзяна. Тем временем в Синьцзян были направлены крупные воинские силы, от политической и общественной жизни были отстранены лица, наиболее последовательно выступавшие за предоставление суверенных прав народам Синьцзяна, и прежде всего бывшие активные деятели Восточно-Туркестанской Республики. Только в 1955 г. был оформлен административно-правовой статус Синьцзяна. Синьцзян был переименован в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Таким образом, законное желание народов Синьцзяна решать национальный вопрос на основе ленинских принципов фактически было отклонено маоистами.

Открыто выступив против осуществления марксистско-ленинских

принципов государственного строительства в Синьцзяне, маоисты вместе с тем не могли полностью игнорировать вопросы экономического строительства. И действительно, в первые годы существования КНР в Синьцзяне были проведены некоторые мероприятия, направленные на подъем экономики, культуры, улучшение жизненного уровня населения.

Прежде всего синьцзянские власти ликвидировали феодальную собственность на источники воды, на ирригационные сооружения, провели в 1952—1953 гг. аграрную реформу, в ходе которой земли помещиков были конфискованы и распределены среди безземельных и малоземельных крестьян. В 1955—1956 гг. было проведено кооперирование крестьян, а в 1957—1958 гг. — кооперирование скотоводов.

Значительное развитие получила и промышленность Синьцзяна. С помощью Советского Союза был построен ряд промышленных предприятий. Вместе с ростом промышленности происходило формирование рабочего класса. Большую помощь в подготовке промышленных рабочих из уйгуров и представителей других национальностей Синьцзяна оказывали советские специалисты.

Начала проводиться работа по развитию культуры, просвещения, улучшению медицинского обслуживания населения.

Положение народов Синьцзяна сильно изменилось в конце 50-х годов, когда произошел резкий поворот политического курса маоистского руководства КПК, глубоко противоречащий марксизму-ленинизму и принципам пролетарского интернационализма.

Провозглашенные по личному указанию Мао Цзэ-дуна «большой скачок» и «народные коммуны» оказали на Синьцзян пагубное влияние. Экономика этого огромного района была подорвана и дезорганизована. Объем продукции промышленных предприятий резко сократился, сельское хозяйство пришло в упадок. Голод охватил целые области.

К тяжелым последствиям для экономики автономного района привело также массовое переселение китайцев. В качестве предлога для увеличения потока переселенцев китайская пропаганда ссылается на необходимость «братской помощи китайского народа» в подъеме экономики автономного района и на «опасность», якобы угрожающую ему со стороны Советского Союза. При этом расселение китайцев осуществляется таким образом, чтобы изолировать некитайские национальности от внешнего мира (даже путем переселения части их во внутренние провинции Китая).

Националистический курс руководителей Китая губительно сказывается на национальной культуре и искусстве уйгуров, казахов и других народов Синьцзян-Уйгурского автономного района. Маоисты по существу отменили все положения конституции и других доку-

ментов КНР о развитии культуры и искусства, образования и просвещения, языков и письменности некитайских народов.

Выпускаемые незначительными тиражами газеты, журналы и книги на уйгурском и других языках являются копией китайских изданий: в них публикуются материалы, восхваляющие культ личности Мао Цзэ-дуна и его «идеи». Огромными тиражами издаются цитатники Мао Цзэ-дуна. Все театры и художественные коллективы автономного района показывают только переведенные с китайского языка агитки, прославляющие Мао Цзэ-дуна. Литература национальных авторов не издается.

Желание и стремление уйгуров и других народов Синьцзян-Уйгурского автономного района изучать свой язык и свою культуру расценивается в Китае как «ревизионизм», «буржуазный национализм», как «выступления против партии, против социализма», «против идей Мао Цзэ-дуна».

Фальсифицируется история некитайских народов автономного района. Наперекор историческим фактам утверждается, что и уйгуры и другие народы этого района испокон веков (чуть ли не со времени каменного века) жили на территории, принадлежавшей Китаю. Вся богатейшая многовековая культура уйгуров, казахов и других народов объявлена «реакционной» и «феодальной» и всячески замалчивается и игнорируется.

Важнейшим условием марксистско-ленинского решения национального вопроса является строительство государственных и партийных органов, а также массовых и общественных организаций ранее угнетенных наций и народов на основе национальных кадров, знающих быт, нравы, обычаи, язык своего народа. В условиях Китая широкое вовлечение трудящихся масс некитайских народов в государственное управление означало бы практическое осуществление их желаний и чаяний. Только такой путь создал бы условия для установления дружбы и братского сотрудничества народов и сделал народную власть понятной и близкой народным массам всех национальностей, населяющих КНР.

Необходимо отметить, что в конституции и других законодательных актах КНР, принятых в первые годы после установления народной власти, содержится много правильных положений о необходимости укрепления органов власти в национальных районах представителями некитайских народов, подготовке национальных кадров и т. д.

Однако впоследствии все торжественные обещания, касавшиеся национальных кадров и строительства органов власти в национальных районах КНР, были растоптаны. В полном противоречии с положением законодательных актов КНР и ранее данными обеща-

ниями была проведена широкая кампания по замене местных национальных кадров китайскими. В результате в Синьцзяне все ключевые позиции оказались в руках китайцев. Под предлогом борьбы с местным национализмом была в буквальном смысле слова уничтожена значительная часть национальных кадров.

Ярким примером недовольства народов Синьцзяна великодержавно-шовинистической политикой маоистов явилось массовое бегство в 1962 г. из Китая в Советский Союз (в Казахстан и Среднюю Азию) более 65 тыс. жителей Синьцзяна. Такого позорного явления не наблюдалось в истории Китая даже в самые мрачные годы господства феодально-помещичьих сил и гоминьдановской реакции. Для того чтобы скрыть от народа истинные причины массового перехода в СССР жителей Китая и ввести в заблуждение мировое общественное мнение, официальная китайская пропаганда начала трубить о какой-то «подрывной деятельности» Советского Союза в Синьцзяне. Однако факты полностью опровергают домыслы клеветников.

Как свидетельствуют многочисленные заявления синьцзянских беженцев, основными причинами массового перехода в СССР были голод и большие материальные лишения, дискриминационные меры со стороны властей в отношении лиц некитайской национальности, а также антисоветская кампания в Синьцзяне, вызвавшая чувство протеста населения [16].

Представители коренных национальностей Синьцзяна перешли также в другие страны, например в Афганистан, Пакистан и Индию.

Проводя великодержавную ассимиляторскую политику в национальном вопросе, маоисты пытаются подвести под нее «теоретическую» базу, прикрываясь демагогическими рассуждениями о «марксистской» и «коммунистической» ассимиляции. «Китайцы составляют 94% всего населения Китая, — писал журнал „Синьцзян хунци“ № 23 в 1960 г., — и с точки зрения политического, экономического и культурного развития они являются более передовыми. Поэтому слияние национальностей должно осуществляться на основе одной национальности. Говоря о Китае, таким костяком должны быть китайцы». «Особенности китайской нации, — писал тот же журнал, — превратятся в общие национальные особенности национальных меньшинств». «Это слияние,—заявила газета „Синьцзян жибао“ 21 марта 1960 г.,— является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества. Кто выступает против такой ас-

[16] Подробнее по этому вопросу см.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков, Советско-китайские отношения, М., 1971, стр. 274—277; Т. Рахимов, Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна, М., 1968, стр. 87—88.

симиляции, тот выступает против социализма и коммунизма, против исторического материализма». «Малые народы Китая сольются с китайской нацией,— откровенно писала „Синьцзян гезити“ в 1959 г.,— культура, язык и письменность китайцев станут общими для всех малых народов. Это — неизбежное развитие общества, и его ни в коем случае нельзя забывать». Подобные заявления являются не чем иным, как бесцеремонным и открытым призывом к поглощению и насильственной ассимиляции неханьских народов многочисленной китайской нацией.

Такая постановка вопроса не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом, который принципиально отвергает насильственную ассимиляцию. Слияние наций, с точки зрения марксистско-ленинской теории, — длительный и сложный процесс. Оно может произойти только на базе всестороннего расцвета и развития народов и наций, причем этап слияния наций развернется на высшей фазе коммунизма.

Ему предшествует длительный период всестороннего расцвета и сближения народов, который достигается, как писал В. И. Ленин, «исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций» [17].

Обстановка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе еще более обострилась в связи с началом в 1966 г. «культурной революции», которая, как известно, не имеет ничего общего ни с революцией, ни с подлинной культурой.

В августе 1966 г. в Синьцзяне начали формироваться отряды хунвэйбинов. Как и в центральных районах Китая, они были организованы из числа политически незрелых учащихся старших классов и частично студенчества, главным образом китайской национальности.

Одновременно с хунвэйбинами в Урумчи, Кульдже, Кашгаре и других городах Синьцзяна появились цзаофани — политически незрелая одурманенная молодежь. Цзаофани состояли в основном из молодых служащих и рабочей молодежи.

Синьцзянским хунвэйбинам и цзаофаням прямо рекомендовалось, «опираясь на армию и применяя идеи Мао Цзэ-дуна», смелее критиковать ошибки партийных комитетов. Для этой цели устраивались уличные шествия и демонстрации для разгрома партийного и государственного аппарата автономного района и расправы с местными кадровыми работниками.

Как и во всем Китае, в Синьцзяне хунвэйбины и цзаофани развернули так называемое движение за уничтожение «четырех старых» (старых обычаев, привычек, культуры, морали). Первоначально движение хунвэйбинов и цзаофаней в Синьцзяне ограничивалось демон-

[17] В. И. Ленин, Задачи пролетариата в нашей революции,— Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 167.

страциями и шествиями, во время которых они выкрикивали лозунги, прославляющие Мао Цзэ-дуна, и занимались разоблачением «буржуазных элементов, стоящих у власти» и «выступающих против идей Мао Цзэ-дуна», а затем оно перешло в различного рода хулиганские действия, которые особенно усилились после приезда в Синьцзян в середине сентября 1966 г. 400 хунвэйбинов из Пекина.

Уже в конце августа и начале сентября 1966 г. в урумчинских газетах появились материалы, в которых критиковались «ревизионисты» и противники Мао Цзэ-дуна в Синьцзянском университете, Урумчинском промышленном институте и в других местах. С конца сентября 1966 г. острым нападкам стали подвергаться уже руководители Синьцзяна, партком и народный комитет Синьцзян-Уйгурского автономного района и Синьцзянский военный округ.

В период «культурной революции» подверглись варварскому уничтожению произведения классиков мировой литературы, произведения известных уйгурских, казахских и других писателей, были репрессированы и сосланы в маоистские концентрационные лагеря многие национальные кадровые работники, писатели, деятели культуры и искусства народов Синьцзяна.

Следующим этапом «культурной революции» в Синьцзяне явилась борьба хунвэйбинов и цзаофаней за захват всех органов пропаганды и власти, разгром партийных органов в учебных заведениях и учреждениях. В итоге «культурной революции» были созданы «ревком» Синьцзян-Уйгурского автономного района и «ревкомы» на местах, заменившие собой конституционные органы власти. Во всех «ревкомах» и воссозданных в последнее время по маоистскому образцу партийных организациях ключевые позиции по-прежнему занимают китайцы.

Несмотря на политику заигрывания, которую маоисты стали проводить в последнее время в Синьцзяне, обстановка в этом районе остается сложной, растут недовольство и выступления уйгуров, казахов и других народов Синьцзяна, принимающие порою массовый характер .

Уйгуры и другие народы Синьцзян-Уйгурского автономного района переживают самые тяжелые и мрачные дни в своей истории. Политика маоистов глубоко противоречит коренным интересам народов этого района и преследует великодержавно-националистические цели — насильственную ассимиляцию и китаизацию их.

Т. Рахимов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Не забывай нас...»

Как обычно, рано утром я пошел на работу. Сегодня стоял особенно густой туман: в десяти шагах ничего не видно. Когда я подошел к кожевенному заводу, месту моей работы, в нос ударил тяжелый терпкий запах.

Этот завод, принадлежавший крупнейшим капиталистам Синьцзяна Мусабаевым, существовал с 1905 г. Привезенное из Германии оборудование было установлено в высоких, но полуразвалившихся и темных цехах. В грязном заводском дворе стояли лужи желтой после обработки кож воды, испарявшей зловоние.

Поочередно проходили через заводские ворота рабочие, предъявляя охраннику пропуска. Вместе со мной подошел один из старейших рабочих завода, Керимахун, со своей семилетней дочкой Гунчам. В руке Керимахун держал ножи для очистки шкур.

— Дядя Зунун! — радостно крикнула Гунчам и бросилась ко мне на шею. Худенькая и бледная от нищенской жизни, она все же была прелестна. Мы любили эту милую маленькую шалунью как родную дочь и старались быть с ней добрыми и ласковыми.

В конце очереди я увидел Хасана, начальника цеха чанов, проработавшего добрую половину своей жизни у Мусабаевых. Хасан пользовался авторитетом у рабочих.

— Мне в цех,— сказал я охраннику.

Стоявший около него бухгалтер Тохти, пожав плечами, бросил:

— Директор завода Талгат назначил Зунуна помощником мастера. Чего же его проверять?

Охранник выпрямился и отступил назад. Тохти, ласково улыбаясь, заговорил со мной:

— Вы будете помощником мастера, господина Макса

Унгера. Его отца Мусабаевы привезли из Германии. Он был большой специалист. А Макс в работе превзошел отца. Старайтесь, учитесь у него. Я надеюсь, что под руководством господина Макса вы получите хорошую специализацию.

Вскоре появился сам Макс, худощавый верзила в белом костюме, с тростью в руке. Редкие желтые волосы на голове и совиные глаза на узком лице не вызывали расположения к нему. На поводке за ним бежала маленькая собачка.

«Действительно ли он хорошо разбирается в технике? Что заставило его уехать так далеко от родины?» — подумал я. Эти вопросы я задавал себе при каждой встрече с Унгером.

Гунчам кинула в собачку Макса камешек. Он зло покосился на девочку. Керимахун, испугавшись неприятностей, дал дочери подзатыльник и поспешил увести ее в цех.

В огромном цехе стояло 14 больших цементных чанов, в каждый из них нужно было заложить 120 шкур и влить несколько сот ведер известковой воды. Отделение с известью находилось рядом, а за ним — место для стрижки шкур. Рабочим цеха приходилось дышать известковой пылью, а известковая вода разъедала им руки. Два человека должны были за рабочий день перетаскать на носилках около полутора тонн извести, растворить ее и слить в чаны. От извести слезились глаза и пересыхало в горле, а у тех, кто вытаскивал шкуры из чана, кожа на руках трескалась.

В цехе я стал показывать вновь принятым рабочим, как счищать шерсть со шкуры. Мне помогал Давут, парень, уже три года проработавший на заводе. Среди молчаливых и утомленных рабочих он выделялся веселым, общительным нравом и крепким здоровьем. Но когда он сердился, он мог нагрубить начальнику и даже отзываться нелестно о директоре завода Талгате. Когда директору доносили об этом, он только улыбался и говорил: «У этого негодяя много сил. От него есть польза». За каждый инструмент, за каждую вещь в цехе Давут болел, как за свою. Мы не могли понять, почему он так пекся о сохранности хозяйственного имущества.

Давут спросил меня:

— Почему вы по-прежнему работаете в цехе? Ведь

теперь вы помощник мастера, и вам нужно сидеть в его кабинете.

Керимахун повернулся ко мне и прошептал:

— Иди, иди, сынок, в кабинет, только не забывай нас.

Рабочие посмотрели на меня. А Харун, недавно пришедший на завод, вежливый и грамотный, улыбнувшись сказал:

— Керимахун прав.

Я засмеялся, покачал головой и снова начал скоблить шкуру. Все продолжали работать молча, думая о своих заботах и трудностях. И только одна Гунчам не знала печали, весело бегала по заводу, играя маленьким колокольчиком. Во время отдыха рабочие обычно просили ее сплясать, и она без всякого стеснения начинала танцевать и петь. Рабочие оживлялись, раздавался смех.

Я не понимал, почему Керимахун ежедневно приводил дочь на завод, напоминавший тюрьму, и однажды спросил его об этом. Повернув ко мне покрытое известковой пылью и счищенной со шкур шерстью лицо, он ответил смущаясь:

— Всю жизнь провел я на заводе, очень мало видел хорошего. Единственная моя отрада и надежда — дочь. Если она со мной, рядом, я спокоен. Не могу себе представить, как можно разлучиться с ней даже на минуту.

Керимахун согнулся, руки его со взбухшими венами крепче сжали скребок, и он ожесточенно начал скоблить шкуру.

Работаем больше — получаем меньше

Зима 1943 года началась необычно рано. Выпал снег, реку Или сковало толстым льдом. Как-то в цех зашел бухгалтер Тохти.

— На рынке поднялись цены на муку, рис и чай. При прежнем заработке вы не смогли бы прокормить семью. Я упросил господина Талгата повысить расценки,— сообщил Тохти.— Но если сегодня вы не купите продукты, то завтра прибавка мало поможет вам — цены снова повысятся.

Керимахун обрадованно произнес:

— Хорошая душа этот Тохти! Просил за нас господина директора! Хорошее дело он сделал!

Остальные промолчали.

Через день Керимахун говорил всем:

— Тохти нас никогда не обманывает. Позавчера я не успел купить муки, а вчера она сильно подорожала, и за эти же деньги мне дали ее очень мало.

Одним словом, Керимахун боготворил Тохти. И если возникали какие-либо затруднения, он советовал:

— Надо бы сказать об этом Тохти. Он походатайствует перед директором и уладит дело.

Я сначала не мог понять, что за человек этот Тохти. Но когда стал помощником мастера, мне пришлось сталкиваться с ним ближе, и у меня сложилось впечатление, что Тохти подхалим и хитрец, ловко и незаметно обирающий рабочих...

Вечером у ворот завода висело объявление:

«Рабочие!

Завод потерпел убытки: продукция не реализована, стоимость ее снизилась. Предприятию грозит закрытие. Чтобы этого не случилось, необходимо снизить расценки. Но, учитывая тяжелое материальное положение рабочих, мы решили не снижать расценки, а увеличить рабочий день на два часа, сохранив прежний заработок. Те, кого это не устраивает, могут уволиться и искать другую работу.

Мусабаев Талгат».

«Странно, как они могли потерпеть убытки? — подумал я.— Ведь недавно продукцию завода продали намного дороже обычного...»

Керимахун, всегда боявшийся неприятностей, отозвал меня в сторону и спросил:

— Что происходит? Снизили заработки?

— Нет. Увеличили рабочий день на два часа. Хозяин нарушил договор о продолжительности рабочего дня

Керимахун сел, положив руки на колени, и как-то сник. Потом вдруг резко заговорил:

— Бессердечный! Мы не покладая рук работаем на него, а он прибавил еще два часа. Я уже выдохся, не могу, всю жизнь на заводе работаю! Сколько сил у меня осталось? О аллах, неужели и дети наши будут

гнуть спины на него? Почему богачи не работают, а всегда сыты? До каких пор мы будем жить в нищете?

Подошли Захир и Хасан.

— Как ты думаешь,— обратился Захир к Керимахуну,— подчинимся хозяину, что ли, как покорные овцы? Чем мы послушнее, тем больше он издевается над нами. Почему бы нам не попытаться добиться своего?

— А что мы можем сделать сейчас? — ответил Керимахун.— Будем настаивать на своем — будет еще хуже.

Когда мы миновали ворота, в разговор включились и другие рабочие, все выражали недовольство, лишь Давут сказал:

— А почему бы нам не поработать? Ведь мы трудовой народ, ничего с нами не случится, если чуть больше потрудимся. У нас неистощимые силы.

Слова Давута неприятно подействовали на рабочих. Керимахун повернулся к нему:

— Если собрать все кожи, которые прошли через мои руки, получится высокая гора. Когда-то я тоже был здоров, силен. А сейчас, смотри, состарился, обессилел. Все мы, старые рабочие, изнурены. Едим кукурузу да пьем кипяток. Если будем работать больше, от нас совсем ничего не останется. А ты говоришь — «неистощимые силы».

— Мы вырабатываем намного больше, чем получаем,— сказал Захир.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Давут.

— У Талгата несколько тысяч овец, верблюды, коровы и много земли. Живет он в богатом доме, имеет машину, хорошо питается и богато одевается. Откуда все это у него?

— Захир дело говорит,— вступил в разговор и я.— Надо бы нам подумать...

— Вы слышали,— перебил меня Захир,— что недавно лишились работы батраки Алтэшара? * Они готовы идти на любую работу, лишь бы получать какой-либо заработок. Этим и хочет воспользоваться Талгат. Если мы откажемся работать, он возьмет этих людей...

Мы задумались — Захир говорил правду.

---

* Алтэшар — предместье Кульджи. — *Ред.*

Первое выступление

Со следующего дня на заводе установили новые порядки. Начало работы в 6 часов утра, окончание — в 6 вечера. Но этим рабочий день не ограничивался: приходилось выполнять разные работы в домах заводского начальства, за что ничего не платили.

В цехах завели табельщиков. И хотя в руках у них не было кнута или палки, а лишь тетрадь, но именно она вызывала у рабочих страх. Малейшая провинность заносилась в тетрадь, а это вело к снижению заработка. Непосильный труд постоянно изнурял людей, и даже шумливый Давут притих, с его щек сошел румянец, он похудел.

Керимахун по-прежнему приходил с дочкой, но он стал неразговорчив, хотя работал старательно.

Вдобавок ко всему летом Талгат решил заставить рабочих строить дома для гоминьдановских специалистов, вернувшихся из Америки после учебы. Это вызвало резкий протест. Наиболее недовольных немедленно выгнали с завода.

И тогда раздался заводской гудок. Машины остановились. Рабочие вышли из цехов и направились к заводской конторе. Начальник цеха Тургун с группой делегатов от рабочих пошел в контору. Там находился лишь перепуганный Тохти, Талгата не было...

— Тургун, что там творится, во дворе? Вы хотите сказать нам что-то срочное? — спросил Тохти, заискивающе улыбаясь.

— Да, у нас срочное дело.

— Тургун, вас господин Талгат очень уважает и поэтому назначил начальником цеха. Что же случилось? Почему вы ведете всех в контору?

— Не болтай много! Лучше скажи, где Талгат. У рабочих к нему важное дело.

Тохти уже пришел в себя:

— Господина Талгата сейчас нет. Все, что вы хотели сказать, можете передать мне. Как только он вернется, я доложу ему. Любое дело можно уладить. Зачем поднимать такой шум?

— Мы требуем не увольнять рабочих и не удлинять рабочий день. Если наши требования принимаются, мы вернемся на рабочие места.

— Я вызову по телефону хозяина, пусть ответит на ваши требования,— ответил Тохти и закричал в трубку: «Полиция! Полиция!».

Давут смотрел на Тохти, давясь от смеха: он уже успел перерезать телефонный провод.

— Ваши условия, по-моему, могут быть удовлетворены,— проговорил Тохти после паузы.— Когда приедет хозяин, посоветуемся. А пока скажите всем, пусть не бросают работу.

— Нет, пока мы не получим точный ответ, за работу не возьмемся. Это решение большинства,— заявил Тургун.

Выйдя на крыльцо, он рассказал рабочим обо всем происходившем в конторе. Люди начали расходиться по домам. На заводе, кроме Тохти и его дружков, никого не осталось.

Прошло несколько дней. Мы не выходили на работу. Стояла жара, замоченные кожи стали гнить. И Талгату ничего не оставалось, как согласиться с требованием рабочих.

Завод возобновил работу. Первое наше выступление оказалось успешным, но дальнейшие события показали, что этот успех не был прочным.

Гоминьдановские специалисты, вернувшиеся из Америки, были назначены мастерами. Они кичились заокеанским образованием, к рабочим и помощникам мастеров относились свысока, поэтому их не любили. К тому же, эти специалисты начали по-своему перестраивать производство, не зная и не учитывая ни местных особенностей, ни сырья. Продукция пошла низкосортная, убыточная. Гоминьдановцы обвинили рабочих во вредительстве, и в первую очередь меня.

Я уже неплохо разбирался в своем деле и понимал, что происходит. Никто, конечно, на заводе не вредил. Всему причиной было нарушение отработанной годами технологии обработки кож.

Взять хотя бы ту же воду для замачивания шкур. Новоявленные специалисты приказывали заливать воду в чаны из арыка в середине дня, а раньше это делали рано утром и поздно вечером. Казалось бы, какая разница? Большая. Вода не была одинаковой в течение дня. Утром, ночью и вечером жесткая родниковая вода арыка смешивалась с мягкой водой канала Аку-

стан, который днем целиком разбирался на поливы. Заправка чанов дневной жесткой водой значительно меняла консистенцию растворов для обработки шкур, снижала качество кожи, делала ее ломкой.

Или, скажем, обработка кож в кислых растворах. Мы погружали кожи сначала в слабые растворы, оставшиеся от прошлой партии, и постепенно доводили концентрацию растворов до нужного уровня. Подошвенная кожа при этом значительно утолщалась, равномерно затвердевала и в готовом виде имела хороший товарный вид, была прочной и неломкой.

Новые же специалисты погружали кожу сразу в крепкие растворы, от этого небольшие слои сверху и снизу затвердевали, а середина оставалась мягкой и непрочной, готовая кожа очень легко трескалась и ломалась.

Таких «мелочей», которые не соблюдались гоминьдановскими мастерами, было много.

В ответ на их заявление о вредительстве рабочих я доказывал мастерам и администрации, что никакого вредительства нет, что рабочие точно выполняют все указания специалистов. Это привело к обострению моих отношений с администрацией, и я вынужден был уволиться.

Приглашение на свадьбу

Осенью рабочих вдруг собрали на митинг. Первым начал говорить некий Осман:

— Мусульмане! Богачи творят добрые дела, потому и богатеют. Судьба каждого из нас предопределена свыше. Если хотите спокойствия и блаженства в загробной жизни, — слушайтесь господ. Не то — попадете в ад.

Потом выступил Тохти и от имени директора заявил, что соглашение с рабочими утратило силу. Он зачитал длинный список рабочих, которых директор решил уволить.

— Если у вас есть какие-нибудь вопросы, мы их обсудим с оставшимися,— заключил он.

Тут же стоял и Талгат, он зевал как ни в чем не бывало. Из толпы раздался гневный крик Садыка:

— Как же так? Мы всю жизнь трудились на заводе и никуда отсюда не уйдем! Посмотрим, что вы с нами сделаете!

Толпа зашумела и стала надвигаться на директора. Вдруг раздался свисток, появилось человек восемь вооруженных полицейских и среди них один в штатском. Они схватили Садыка и еще трех рабочих.

В это время я уже устроился на маленький полукустарный кожевенный заводик, расположенный на окраине города, на берегу Или. Поэтому о митинге узнал от Давута.

— А кто был тот, в штатском? — спросил я.

— Я слышал, что он начальник полиции и зовут его Ли.

— А те, что были в форме, наверное, люди Лю Бин-ди.

— Что это за человек — Лю Бин-ди?

— Лю Бин-ди — бывший заместитель начальника Главного жандармского управления Синьцзяна. В его ведении находились тюрьмы Синьцзяна. Он усердно выполнял поручения Шэн Ши-цая — погубил много невинных людей, больше, чем от него требовали. Шэн Ши-цай стал доверять ему и временно назначил губернатором Илийского округа. Лю Бин-ди пообещал навести в округе порядок, и с его приездом в Кульджу начались массовые аресты и казни. Неугодных сначала жестоко пытали, затем убивали. Смотрите, будьте осторожны,— заключил я.

— Как по-вашему, надо ли нам что-нибудь предпринять,— спросил Давут.

— Придет и для этого время, а пока работай. Керимахун пусть сюда не приходит. Я слышал, что он устроился в городе сапожником, это хорошо. А что с Харуном?

— Он, как и я, уволен с завода. Вышли мы из ворот вместе. Он сказал, что в каком-то селе живет его друг — лекарь, там найдется работа.

Этот разговор расстроил меня и в который уже раз заставил задуматься о режиме, приносящем столько несчастий людям...

Через несколько дней я получил свернутый в трубочку, разрисованный по краям листок. Внутри — записка на красной бумаге:

«Уважаемый господин Зунун!

Сегодня, в 4 часа дня, приглашаю Вас на свадьбу в дом № 56 в Алтэшаре.

С уважением Мамут».

С удивлением читал я приглашение. Кто же меня приглашает? Давным-давно работал на заводе Мусабаевых некий Мамут, но жил он в другом пригороде. Да и средств приглашать гостей у него не было. Кто же этот Мамут?

С тех пор как приехал Лю Бин-ди, на городских улицах стали появляться неизвестные люди, прятавшие под штатской одеждой револьверы или кинжалы. Стоило кому-то из учителей нелестно отозваться о правительстве, как на следующий день он оказывался заколотым. Ходили слухи об арестах, тайных казнях...

Вдруг это приглашение — какая-нибудь провокация?

Внимательно разглядываю его. Пришел Давут. Оказалось, что и он получил такое же приглашение.

— Вы пойдете на свадьбу? Мы уже опаздываем.

— Пойдем! Кто боится укуса пчелы, никогда не отведает меда. Чтобы бороться, нужно не бояться смерти,— ответил я.

Мы пошли в Алтэшар. В пригороде незаметно, но внимательно наблюдали за прохожими и приглядывались к номерам домов. Наконец послышалась музыка, и мы ускорили шаг.

Дом № 56. Молодые парни на крыше стучат в барабаны, во дворе и в комнатах пир горой, человек шесть перед дверью играют на зурнах. Тут и там мелькают девушки в пестрых нарядных платьях.

Давут толкнул меня локтем в бок:

— Сколько живу, а впервые попал на такую богатую свадьбу. — Нам не терпелось увидеть Мамута. Я заметил одного из своих знакомых. Он ввел нас в дом.

Вскоре приехали жених и его друзья, музыка заиграла еще веселее. Друзья жениха танцевали и дружно пели. Когда жениха ввели в дом, сразу воцарилась тишина. Сидевший на почетном месте мулла обвенчал молодых, прочел молитву. Все засуетились, радостно зашумели. Вдруг кто-то потянул меня за рукав. Оглянулся: рядом знакомый, встретивший нас с Давутом.

— Хозяин дома приглашает вас обоих в дальнюю комнату на чашку чая,— прошептал он мне на ухо.

Во внутренней комнате мы увидели Илихана Торэ и Абукерима Аббасова. Да и многие гости были нам знакомы. За столом сидели Керимахун, Харун, еще несколько старых рабочих с завода Мусабаевых, интеллигенты, крестьяне. Хозяин сердечно приветствовал нас и полушутя сказал:

— Вот и наши гости. Теперь начнем «венчание» в этой комнате.

— На такое «венчание» я пришел бы без приглашения,— в тон ему ответил я.

Аббасов рассказал о положении, сложившемся в округе, о деятельности Лю Бин-ди, о враждебном отношении населения к гоминьдановцам, о том, что не так давно Фатиху Муслимову удалось скрыться от грозившего ему ареста в горах Уластай у своего друга Савунбека. Савунбек свел Фатиха с Хамидом Муслимовым и Молдабеком. Вместе они встретились со скрывавшимися Рафиком Байчуриным, Ушуром, Усманом, Нуром, Курбаном, Сеитом, Акбаром, Гани и другими. Они поклялись бороться против ненавистного гоминьдановского режима и освободить родной народ. Фатих, Гани, Акбар и Наван ночью незаметно пробрались в Кульджу. Около ворот штаба командующего войсками округа беззаботно спал часовой. Акбар и Гани убрали его, взяли оружие и вместе с Наваном и Фатихом направились в сторону аэродрома. Здесь Акбар убил еще одного часового, и все четверо ушли в горы...

В селе Мазар горстка повстанцев разоружила сторонников гоминьдановцев и захватила их имущество, обеспечив себя лошадьми и продуктами. Слухи о повстанцах быстро распространились в селах — среди крестьян и в горах — среди скотоводов, обрастая фантастическими подробностями. Многие недовольные присоединились к восставшим. Через некоторое время уже действовало несколько групп повстанцев, вступивших в вооруженные столкновения с гоминьдановцами. Население охотно помогало повстанцам. Отряды их действуют в основном в Нилкинском районе — километрах в 150—200 от Кульджи... Многое из рассказанного Аббасовым было для нас новым.

— Положение сейчас очень трудное. Гоминьдановцы

все наглее глумятся над людьми. Лю Бин-ди надеется жестокостью усмирить народ, но аресты и казни невинных вызывают огромное возмущение. Надо рассказывать людям о злодействах гоминьдановцев, призывать их к выступлению против жестокого режима. Надо установить связь с повстанцами и наметить план дальнейших действий,— закончил Аббасов.

Вскоре мы стали собираться домой. Было уже поздно. Я пригласил Харуна на работу на наш заводик. Он радостно согласился. Давут решил заночевать у меня.

Знакомство с Кевиром

Утром мы отправились на работу. По дороге нам встречались телеги, груженные бревнами и жердями, хотя лесопильный завод был забит лесом. На площади, где торговали древесиной, скопилось много подвод: в этом году случилась засуха и крестьяне собрали скудный урожай, поэтому многие, чтобы свести концы с концами, занялись заготовкой леса. Цены на древесину сильно упали, но покупатели не торопились,— равнодушно прохаживаясь мимо телег, они подумывали о том, как еще сбить цены. Тут же сновал толстый потный чиновник налогового управления, проверяя, все ли уплатили сбор. На бревна и жерди, за которые пошлина уплачена, ставилось клеймо.

У западного въезда на площадь застряла в грязи подвода с лесом, пара быков никак не могла вытянуть ее. Хозяин, старый худой крестьянин, ничего не мог сделать. Некоторые прохожие стали помогать, но тщетно. Подошли и мы с Давутом. Я стал вместе с другими толкать арбу, Давут подпирал плечом правое колесо, крестьянин — левое, одновременно покрикивая на животных. Наконец арбу вытащили из грязи.

В этот момент подскочил чиновник:

— Что за галдеж вы тут устроили? Ну-ка, сбрось жерди, я проверю их!

— Пошлина уплачена за все, господин. Я не стану вас обманывать, господин,— смиренно ироговорил крестьянин.

— Разгружай сейчас же! — заорал чиновник.

Крестьянин начал скидывать с подводы жерди. Чиновник старательно осмотрел их и нашел три без клейма. Торжествуя, он накинулся на старика:

— Не будешь обманывать, говоришь? Наглый старик, ты обманываешь государство и думаешь, что я не замечу? Плати немедленно штраф!

— Господин чиновник, эти жерди я снял с крыши своего старого дома. Я вынужден продавать их из нужды. Если я продам даже все жерди, мне не хватит денег, чтобы внести штраф. Заберите лучше жерди.

— Нам не нужны твои жерди! Если не уплатишь штраф, сядешь в тюрьму! — настаивал чиновник.

Вокруг собралась толпа. Все были возмущены, но никто не посмел проронить и слова.

— Сколько тебе надо? Я заплачу! — услыхали мы. Это сказал молодой парень. Он подошел и вынул из кармана деньги. Чиновник пересчитал их, радостно заулыбался и быстро пошел прочь.

Старик крепко обнял парня и заплакал.

— Вы спасли мою семью, моих детей. Но что сами будете делать? Возьмите хотя бы половину моих жердей.

Парень, конечно, отказался и, успокоив старика, помог нагрузить подводу. Толпа разошлась.

Давут, восхищенный благородством молодого парня, подошел к нему и протянул руку:

— Давай познакомимся! — Они обменялись крепким рукопожатием.

Я спросил у стоявшего рядом крестьянина, как зовут этого парня.

— Кевир. Он мой земляк, из Панджима *, работает старшим возчиком, — ответил крестьянин.

Письмо от повстанцев

Мне нужно было посетить товарища Хакима. Закончив в мастерской работу раньше обычного, я отправился в больницу, где он работал. Хаким был занят, я сел в приемной на свободный стул и задумался...

---

* Панджим — село, примерно в 25 километрах северо-восточнее Кульджи. — *Ред.*

— У вас болит что-нибудь? — услышал я, вздрогнув от неожиданности. То, что я, здоровый человек, сижу в больнице, могло насторожить соглядатаев Лю Бин-ди. Я схватился за щеку, сморщился:

— Зуб проклятый замучил. Слышал, что здесь хорошо лечат. — Судя по наружности, вопрос задал старик, повидавший многое на своем веку. Я успокоился.

— Вы правы, здесь хорошо лечат бедных, — старик кивнул на дверь кабинета Хакима.

Несколько минут спустя я уже беседовал с Хакимом. Мне было поручено рассказать ему о создании подпольной организации — «Союза свободы» («Азат ташкилат»). Задача организации — свержение гоминьдановского режима в Синьцзяне и освобождение его народа. В состав руководящего ядра организации вошли двенадцать человек: Махаммеджан Набиев, Абдукерим Аббасов, Касымджан Камбери, Омарджан Фермятов, Рахимджан Сабири, Нурдун Рахимов, Салиджан, Илихан Торэ, Жани Юлдашев, Абдуруп Ибрагимов, Мухиддин Аматов и автор этих строк. Были избраны руководители групп, определены главные направления деятельности — агитационно-пропагандистская работа среди населения, мобилизация его к борьбе против реакционного гоминьдановского режима, подготовка к восстанию. Немало внимания было обращено на привлечение новых членов в ряды организации, разумеется, на основе строгой проверки и конспирации. Один из важнейших участков — работа с молодежью — был поручен А. Аббасову.

Сейчас я хорошо понимаю основной недостаток в деятельности нашей подпольной организации: отсутствие четкой политической программы, малочисленность, слабая связь с широкими массами трудящихся. Но нашему успеху во многом способствовали сами гоминьдановцы: издевательствами, притеснениями, массовыми расправами они отталкивали даже колеблющихся, и наши разоблачительные воззвания и листовки, размножавшиеся на гектографе и от руки, вызывали у населения сочувствие и полное одобрение...

Из больницы я направился к сапожной мастерской, где работал Керимахун. Он сидел у дверей и чинил обувь. Рядом никого не было.

— Здравствуйте! Срочная работа, как видно, у вас? — обратился я к нему.

— А, это вы? Здравствуйте,— сказал он и оглянулся вокруг.— Хорошо, что вы пришли, а то я сам хотел заглянуть к вам после работы.— Керимахун жестом попросил меня нагнуться и закончил шепотом: — Приходил наш человек и попросил вас прийти сегодня к восьми часам в известный вам дом. Дело очень важное.

До восьми времени еще было много, мне очень хотелось потолковать с Керимахуном, но рисковать было нельзя, и я ушел к одному из своих друзей.

К восьми часам я был на месте. Руководители «Союза свободы» были уже в сборе.

— Прочтите, вот письмо,— сказали мне.— Подумайте, что мы можем сделать...

Я стал читать письмо:

«1. По наблюдениям, завод Мусабаевых и несколько мастерских заготовили для гоминьдановских воинских частей, расположенных в районе города Шихо, седла, ремни, шубы, ушанки и валенки. Это значит, что гоминьдановцы готовятся начать наступление в горах. Постарайтесь воспрепятствовать отправке зимнего обмундирования и снаряжения, в крайнем случае оттяните, насколько это возможно, срок его отправки.

2. Положение может измениться очень быстро, и к этому нужно быть готовыми. Мы усиленно готовимся занять Нилки, однако сейчас в горах сильно похолодало, а повстанцы не обеспечены теплой одеждой. Это сковывает наши действия. Было бы замечательно, если бы вы сумели теплую одежду, заготовленную для гоминьдановцев, доставить нам. Наш успех зависит от этого

Командир повстанческого отряда Фатих».

Мне вспомнилось одно недавнее событие. В Кульдже повсюду сновали вооруженные патрули. Гоминьдановцы согнали население на собрание, где с речью должен был выступить Лю Бин-ди. Вот он поднялся на трибуну в сопровождении Абдукерима Аббасова, который работал у него переводчиком (это позволяло нам знать кое-что о намерениях гоминьдановцев), и начал говорить. Свою речь, которой Лю Бин-ди хотел успокоить народ и скрыть замешательство гоминьдановцев, он начал так: «Представители разных национальностей, разных профессий, друзья!.. Нилки не угрожает опасность. Гани,

Фатих, Акбар и другие — всего шесть бандитов — забрались в полицейский участок и похитили вещи и значительную сумму. Я вижу на лицах удивление, не удивляйтесь, все, что я говорю, — правда, верьте мне. Таким грабителям, как они, нельзя верить...»

Аббасов в переводе сказал не «шесть бандитов», а «множество людей». Разъяренный Лю Бин-ди оттолкнул его и сам заговорил по-уйгурски (Лю Бин-ди по национальности дунганин, но неплохо говорил и по-уйгурски). Аббасов, предвидя, какая его ждет расправа, притворился, что ему надо пройти в туалет, а оттуда сумел скрыться. Закончив выступление, Лю Бин-ди обнаружил исчезновение Аббасова. Он приказал оцепить город и во что бы то ни стало найти переводчика...

А положение в Кульдже все осложнялось. По приказам Лю Бин-ди ежедневно арестовывали все больше и больше людей. Обстановка обострялась...

Из письма повстанцев я понял, что действовать нужно решительно, быстро, но что именно делать — не мог придумать. Да и не под силу одному человеку выполнить это поручение: нужны смелые расторопные парни, подводы. Тут-то я и вспомнил Кевира. «Вот кто может помочь в этом трудном деле...»

Я прочел еще раз письмо, сказал задумчиво:

— Да, дело трудное.

— Но это дело нашей свободы. Нужен серьезный человек, который полностью будет отвечать за его выполнение. Кто, по-вашему, подходит?

— Готов взять это дело на себя,— сказал я.

— Очень хорошо. Но смотрите, на одном энтузиазме далеко не уедешь: нужны люди, транспорт... А как вы собираетесь действовать?

Я рассказал о своем знакомстве с Кевиром и добавил, что с его помощью можно будет выполнить просьбу повстанцев.

Мой план одобрили.

— Если будут затруднения, сообщайте. Постараемся помочь по мере возможностей...

Распрощавшись, мы разошлись. Я пошел к Давуту, чтобы с ним сходить к Кевиру.

Луна спряталась за тучи, было темно и тихо. Поздно ночью мы подошли к его дому. У ворот стояла неразгруженная подвода, видимо, хозяин недавно приехал.

Из полураскрытой двери падал слабый свет свечи, слышался плач ребенка. Мы позвали хозяина. Вышла женщина с ребенком на руках и пригласила нас в дом. Кевир ужинал. Он вскочил, приветливо поздоровался и пригласил нас к столу.

— Как давно я вас не видел,— сказал Кевир, подавая нам чай.

Я осмотрелся: бедная обстановка, на супе́ *, кроме старого одеяла и половика, ничего не было, в углу двое малышей в рваной одежде ели кукурузную лепешку, с опаской поглядывая на нас. Видно, что семья еле сводит концы с концами. Мне вспомнился старый крестьянин, толстый чиновник и поступок Кевира...

— Что, тяжело жить стало?

— Слов нет,— в сердцах сказал он.— Вот хотя бы сегодня — всем жителям, имеющим подводы, приказано подготовить хороших лошадей и еды на несколько суток. Нужно будет грузы перевозить для потерпевших стихийное бедствие в районах Цзиньхо и Шихо.

«Быстро действует этот Лю Бин-ди. Видно, события в Нилки здорово его напугали»,— подумал я и спросил:

— А как люди относятся к этому?

— Подавлены. Урожай нынче скудный, а поборы возросли. Ничего не оставалось делать, как продавать лес или идти на заработки. Что делать, если действительно отправят в Шихо? Ведь на такой дальний путь не хватит еды ни людям, ни лошадям. Некоторые решили не ехать. Другие боятся: десятник изобьет, да еще арбу отберет. Короче говоря, по-разному думают. Я не смог придумать что-нибудь дельное. Эх, как жить на этом свете?

— Мы как раз и пришли к вам по этому поводу.

— Правда? Что же вы можете сделать? Вы ведь кожевенники, а не возчики, — недоверчиво сказал Кевир.

— Видите ли, гоминьдановцы хотят использовать вас для других целей. Никаких потерпевших бедствие людей нет. Вас хотят заставить перевезти в Цзиньхо и Шихо теплую одежду для солдат. А оттуда вы повезете солдат в Кульджу. Здесь они будут воевать против нас, — я решил, что от Кевира скрывать ничего не нужно, и рассказал ему о наших намерениях.

* Супа́ — обогреваемое изнутри возвышение в комнате, где спит семья. — *Ред.*

— Кевир-ака *, вспомните хотя бы недавний случай, когда мы с вами познакомились. Жизнь становится невыносимой. Надо добиться, чтоб хоть наши дети жили лучше нас. Вы вот выручили старика-крестьянина, а вас кто выручит? Вы же видите, какой тяжкий гнет испытывает народ. И сейчас ничего не остается, как встать на путь борьбы. Народ ненавидит гоминьдановский режим! — горячо вмешался в разговор Давут.

Меня удивила горячность Давута: в последнее время он стал выдержанным, спокойным, а тут вдруг...

Кевир отослал в другую комнату жену и детей и стал высказывать нам все, что накипело в его душе.

— Да, кроме борьбы, ничего не остается,— согласился он.— Вы слышали, что в Нилкинском районе будто бы появился повстанческий отряд, и, говорят, повстанцы отобрали у гоминьдановцев много оружия?

— Не один, а несколько отрядов действуют в горах: в районе Каш группа Гани насчитывает до 100 человек, у перевала Акташ отряд Акбара — около 20 человек, в отряде Фатиха в Уластае примерно 40 бойцов. Все эти люди уже начали борьбу, они совершили налет на полицейское управление в Нилки, разгромили несколько гоминьдановских частей, захватили богатые трофеи...

Кевир пытливо смотрел на нас. Потом вдруг схватил меня за руку и тихо воскликнул:

— А ведь вы — повстанцы!

Прошло три дня. После полудня пришел Кевир и рассказал о том, как он ходил по дворам, уговаривая крестьян уклониться от поездки в Шихо. Люди и так не хотели ехать, а слова Кевира лишь подкрепили это решение. Гоминьдановцы пытались добиться своего угрозами, но почти у каждого возчика находились веские причины: у одного арба сломана, у другого арба в ремонте, у третьего лошади не подкованы, а денег нет, чтобы подковать их, у четвертого корма для лошадей нет. Некоторые прямо заявили, что никуда не поедут, потому что и так не могут прокормить семью... Тогда гоминьдановцы решили изменить тактику. Чиновник-китаец собрал возчиков и крестьян и объявил: «Правительство не знало, в каком бедственном положении вы

---

* Ака — почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине. — *Ред.*

находитесь. Теперь оно решило все расходы на корм и ремонт взять на себя. Вы должны помочь тем, кто потерпел бедствие. За перевозку груза в Шихо вам хорошо заплатят. Ведь помочь пострадавшим — это наш долг...»

Давут не вытерпел:

— Послать бы его куда следует!..

— Ну, а что же возчики? Они поверили китайцу? — спросил я.

— Народ уже давно понял, что гоминьдановцы умеют только обещать златые горы, а на деле от них ничего хорошего не жди. Один возчик во всеуслышание назвал обещания китайца пустыми словами. И тогда китаец тут же начал выдавать деньги желающим. Некоторые заколебались...

— Надо разоблачить уловку гоминьдановцев, рассказать людям о том, что никаких пострадавших нет, что возчиков обманывают! — горячо предложил Давут.

«Нет, открыто действовать еще нельзя,— подумал я.— Это может привести к провалу всей организации. Да, хитер Лю Бин-ди, ничего не скажешь. Хочет поймать в свои сети и большую, и маленькую рыбку». Я сказал друзьям, что открыто выступать еще рано, пока не время раскрывать себя, что я посоветуюсь с руководителями организации о том, что делать дальше.

Я вернулся домой поздно ночью. Давут и Кевир ждали меня. Я рассказал о заседании нашей организации и прочитал ее обращение к народу:

«Друзья!

Жестокость гоминьдановцев переходит все границы. Пришло время поднять головы против насилия. Поднять головы — значит восстать. Не пролив крови, не понеся жертв, нельзя добиться свободы. Мы не боимся врагов. Нас должно вдохновлять мужество и свободолюбие отцов и дедов».

— Хорошо! — Давут от восторга захлопал в ладоши.

Кевир обнял нас за плечи:

— Приходите завтра в село, что-нибудь придумаем.

На следующий день мы отправились в Панджим. Давут зашел к Кевиру, а я отправился побродить по селу.

Люди готовились в дорогу, чинили арбы, подковывали лошадей. Дети помогали отцам. Женщины пекли хлеб для дальней дороги, стирали белье.

За день до отправки обоза в село приехал в сопровождении полицейских начальник отдела кульджинской полиции Ли и приказал собрать народ на митинг. По словам Кевира, на митинге Ли расточал комплименты возчикам за то, что они «не поддались на уговоры смутьянов»:

— Я очень доволен вами, возчики. А тех нескольких воров мы скоро поймаем и сурово накажем. Эти воры грабят людей на дорогах...

Когда Ли закончил свою речь, длинноносый полицейский предупредил возчиков:

— Будьте внимательны и осмотрительны в пути. Если произойдет что-нибудь чрезвычайное, не пугайтесь, не поддавайтесь панике. Везде расставлены наши часовые...

Известие о часовых нас озадачило.

— Бери коня, мчись к повстанцам и расскажи им обо всем,— сказал я Давуту, а сам прикинул, сколько времени уйдет у него на дорогу. Получалось, что Давут вернется завтра после обеда. Дал ему несколько лепешек, испеченных женой Кевира, и попросил: — Торопись. Все время помни, что тебе нужно вернуться как можно раньше...

Утром в Панджиме появился гоминьдановский офицер с полицейскими. Увидев, что собрались еще не все подводы, он разразился бранью. Послышался стук арбы, это ехал Кевир, еще издали кричавший:

— Бездельники! Скоро уже полдень, а еще не все готовы! Быстрей пошевеливайтесь!

Гоминьдановец немного успокоился. Кевир въехал во двор, где сидели полицейские, поздоровался с офицером, поговорил с ним о чем-то, затем вошел в дом и вынес оттуда два ведра чая:

— Пожалуйста, пейте чай!

Полицейские с кружками столпились около ведер. Кевир поднес офицеру кружку чая.

Время уже приближалось к полудню. Постепенно подходили подводы, возчики, как видно, не особенно торопились. Вот послышался стук еще одной арбы. Все увидели, что ею никто не управляет — возчик спал, завернувшись в шубу. Лошадь шла так, как ей хотелось, и арба чуть не опрокинулась. Офицер опять взбесился, а Кевир, остановивший лошадь, потянул за шубу:

— Лентяй! Ты забыл, что сегодня выезжаем? Почему так поздно приехал?

— Всю ночь пробирался, спать лег под утро,— зевая ответил возчик.— Разве поздно уже? Я думал, что первым приеду...

Офицер замахнулся на нерасторопного возчика, но ударить не посмел, лишь сказал, подавляя злость:

— Только посмотрите на него! У него пьяная морда! Мы сегодня выедем наконец или нет? — набросился он уже на Кевира.

— Сейчас тронемся,— ответил Кевир и, взобравшись на крышу, стал созывать возчиков.

Лишь после обеда возчики тронулись в путь. До города их сопровождали полицейские, чтобы по дороге кто-нибудь не вздумал потихоньку удрать. Первым ехал Кевир, с ним рядом сидел полицейский по кличке Скорпион. Они разговорились, и Скорпион рассказал все, что знал о положении на дорогах.

В городе подводы остановились у складов. Полицейские доложили, что все в полном порядке, и началась погрузка. Когда подводы были загружены, возчики стали устраиваться на ночлег.

Вернулся Давут и привез письмо от руководителей повстанцев. В нем говорилось о том, что возчики должны помочь готовящемуся в Кульдже восстанию.

Зимнее обмундирование и военное снаряжение очень нужны повстанцам, они должны сыграть немалую роль в предстоящих событиях. Пусть возчики спокойно выезжают из города, но по дороге они должны найти способ надежно спрятать грузы и рассеяться. После победы восстания в городе спрятанное зимнее снаряжение нужно будет доставить в Кульджу и сдать повстанцам.

На следующий день обоз тронулся в путь...

Арест Давута

Осень в том году выдалась холодная. Стояла пасмурная погода, часто дул пронизывающий до костей ветер. Базар быстро пустел, горожане скорей торопились к теплу.

А Лю Бин-ди будто взбесился. Полицейские хватали людей без разбора. Крытые машины для перевозки аре-

стованных сновали по улицам. Одна из таких машин остановилась перед низеньким домиком Кевира. Из нее вылезло около десятка полицейских, они вошли во дворик и увидели, что дверь на замке. Полицейские сбили замок, ворвались в дом, переворошили постель, побили посуду и, злые, пошли по соседним домам. Но ни одного возчика дома не оказалось, и полицейские увезли нескольких женщин и детей.

Возчики во главе с Кевиром выполнили возложенное на них поручение. Проехав поселок Баяндай, они задержались до сумерек и ночью проселочной дорогой вернулись в Панджим, где спрятали груз, а потом уехали в горы к повстанцам.

Мы предвидели, что Лю Бин-ди будет мстить семьям возчиков, и помогли многим из них скрыться. Жену Кевира с детьми Давут увез в город и устроил у Керимахуна.

Лю Бин-ди публично пообещал в течение трех дней поймать и казнить Кевира, а с повстанцами разделаться в ближайшие десять дней. Но прошла неделя, а он ничего не добился. В последние дни было арестовано много невинных людей, некоторые из них были казнены. Каждое утро трупы казненных, укрыв кошмами, увозили за город на кладбище. Беззакония, жестокости властей только усиливали недовольство народа. Обстановка все больше накалялась.

Члены нашей организации незаметно встречались в магазинах, на базаре, а собрания проводили, соблюдая строгую конспирацию, в близлежащих селах или за городом, чаще всего в одном старом заброшенном доме на берегу Или. На карауле обычно стоял Давут.

— Прежде всего я должен сообщить вам, товарищи, неприятную новость,— сказал Махаммеджан Набиев на одном из собраний и, немного помедлив, продолжил: — Мы лишились одного близкого друга. Сегодня шпики Лю Бин-ди увели товарища Харуна...

Стало очень тихо. Харун был замечательным товарищем: умным, проницательным, уравновешенным, он глубже и правильнее других мог объяснить смысл некоторых хитрых действий Лю Бин-ди. Он лучше многих знал настроение людей и умел говорить с ними, убеждать их.

Набиев продолжал:

— Много наших хороших друзей арестовано, а некоторых уже нет в живых. Но мы не должны прекращать борьбу, наоборот, нам надо активизировать свои действия. Нам стало известно, что Лю Бин-ди уже занес нас всех в черные списки. Каждого из нас могут арестовать в любую минуту.

— Арестами и пытками не запугать патриотов,— воскликнул Абдуруп Ибрагимов.— Есть серьезные и авторитетные люди, которые ищут связей с организацией, например Талгат. — Далее Абдуруп рассказал, как Талгат завел с ним разговор о том, что в городе, судя по всему, имеется какая-то подпольная организация, борющаяся с гоминьдановцами, что он, Талгат, горячо сочувствует этой организации и желал бы помогать ей, готов отдать все силы и средства делу освобождения народа; если понадобится, не пожалеет и жизни.

— Он говорил так горячо, что я чуть не раскрылся,— продолжал Абдуруп,— но вовремя вспомнил, что не имею права этого делать: мы ведь договорились сообща обсуждать каждую новую кандидатуру и принимать в организацию только с общего согласия. Вот я и предлагаю принять Талгата.

Его поддержал Илихан. Он рассказал, что Талгат устроил роскошный обед для мусульманского духовенства. На обеде присутствовал Лю Бин-ди, который много говорил о важной роли духовенства в воспитании народа, в формировании у него добрых чувств. Лю Бин-ди рассыпался в комплиментах в адрес Илихана, превозносил его ораторское искусство, но заметил, что Илихан увлекается и не всегда следит за четким и правильным выражением своих мыслей. Очевидно, он намекал на недавнюю проповедь в мечети Бейтулла *, когда Илихан развивал мысль о том, что дело борьбы с народными поработителями — святое дело.

В заключение Лю Бин-ди щедро одарил всех мулл. Когда гости начали расходиться, Талгат задержал Илихана. Оставшись наедине с ним, Талгат заговорил о том, что проповеди Илихана находят глубокий отзвук в его душе, что он хочет отдать всего себя святому делу — борьбе с гоминьдановцами, которых он считает иноверцами, притесняющими его родной народ.

---

* Бейтулла — главная мечеть города Кульджи. — *Ред.*

— Я чувствую, что есть у нас какие-то силы, которые уже действуют. Я не могу оставаться в стороне. Я тоже хочу идти вместе с ними. Вы подумайте, как много я мог бы сделать: ведь у меня деловой опыт, энергия, солидное состояние, большие связи. Все это я готов отдать на пользу святого дела, все — ничего не жалея, даже своей жизни! Помогите мне, помогите, пожалуйста!

Илихан, тронутый его горячностью, тоже чуть было не рассказал о том, что антигоминьдановская организация действительно существует, но все-таки сдержался. Кое-как успокоив Талгата наставлениями и общими фразами, он распрощался с хозяином...

Я заметил, что большинство склоняется к тому, чтобы принять Талгата в организацию, и тогда рассказал присутствующим о телефонном разговоре, который случайно подслушал, когда еще работал на заводе. Дверь в кабинет Талгата была приоткрыта, он, уверенный, что рядом в комнате никого нет, говорил тоном приказа с начальником полиции: «Вы должны как можно скорее арестовать его!» О ком шла речь, я не знал, но тон и смысл слов, обращенных к начальнику полиции, гоминьдановцу, да еще китайцу, меня ошеломили. Я тихонько выскользнул из комнаты и задумался: «Кто же такой Талгат? Так говорить не посмел бы даже директор десяти больших заводов. Поговаривали, что Талгата знает лично Шэн Ши-цай. Это тоже не основание для того, чтобы командовать начальником полиции. Кто же такой Талгат?»

Мой рассказ насторожил всех. О приеме Талгата уже не было и речи. Все заговорили о том, что нельзя полагаться на красивые слова, что нужна предельная осторожность в подборе новых людей, иначе не избежать провала...

Касымджан Камбери предложил ускорить вооруженное выступление, пока не прибыли отправленные на Урумчи войска. Все поддержали его и, обсудив обстановку и договорившись об усилении агитационной работы, разошлись.

Через несколько дней Давут по поручению организации пошел ко мне на заводик. Когда он проходил через предместье Карадон, полицейские опознали его. Давут бросился бежать, но был ранен. Его схватили.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Освобождение Нилки

К концу сентября — началу октября число повстанцев в Нилкинском уезде возросло настолько, что они уже стали вступать в сражения с крупными гоминьдановскими частями. Так, в районе Карасу отряды Гани и Акбара уничтожили до 400 гоминьдановских солдат и захватили богатые трофеи. Партизанский штаб решил очистить Нилкинский уезд от гоминьдановцев. Был разработан план операции по освобождению Нилки. Отряд Гани должен был атаковать город со стороны Чунчи, отряды Акбара и Хамида Муслимова — со стороны гор, а отряду Рафика Байчурина предписывалось наступать от Каменного перевала. Фатих Муслимов со своим отрядом оставлен при штабе в резерве.

На рассвете 6 октября отряды повстанцев атаковали Нилки. Как только они ворвались в город, горожане, вооружившись ножами, дубинками, вилами, стали помогать партизанам. Гоминьдановцы не выдержали натиска повстанцев, капитулировали. К полудню 7 октября Нилки был в руках повстанцев.

В этом бою особенно отличился отряд Хамида Муслимова, снискавшего всеобщее уважение своей беззаветной храбростью, преданностью делу освобождения. Через некоторое время он погиб в бою с гоминьдановцами.

12 октября штаб повстанческих отрядов обосновался в Нилки. Молва об успешных действиях партизан разнеслась далеко по провинции. Она вдохновила уйгуров, казахов и другие народы Синьцзяна на борьбу с гоминьдановским режимом.

Успехи повстанцев серьезно встревожили временное

синьцзянское правительство *. В Кульджу был направлен генерал Ду Дэ-фу «для организации обороны». Он решил окружить и уничтожить партизан, а для этого отправили основную часть войск кульджинского гарнизона в Нилки, туда же он приказал двигаться гарнизонам соседних уездов. Все же страх перед повстанцами заставил его вылететь в Урумчи и просить там подкреплений. Он предполагал возможность восстаний в Суйдуне, Кульдже, Цзиньхо. У Чжун-синь распорядился послать подкрепление из Урумчи в Кульджу.

«Союз свободы» дал указание партизанам не дожидаться врага в Нилки. Отряд Акбара должен был перенести действия в соседний, Кунгесский уезд, остальным отрядам следовало небольшими силами устроить засады в удобных местах и создать у гоминьдановцев впечатление, будто партизаны готовятся дать бой высланным против них войскам. Основные же силы повстанцев подготовить к тому, чтобы в решительный момент по указанию специального комитета по подготовке восстания в Кульдже оторваться от гоминьдановцев и по труднопроходимой горной дороге кратчайшим путем прийти на помощь вооруженному восстанию в Кульдже.

Действиям партизан сопутствовал успех — они неоднократно обращали в бегство гоминьдановцев, захватили много трофеев и пленных. Это заставило врага подтягивать к Нилки все новые и новые силы.

Отряд Акбара расположился на овцеводческой ферме в Кунгесском уезде. С населением были установлены хорошие отношения, продовольствия было в избытке. Ферма находилась в холмистой местности, неподалеку от реки Кунгесс, которая на случай могла служить хорошим оборонительным рубежом. Бойцы уважали своего командира и за смелость сравнивали с Чапаевым. Только что связной доложил Акбару, что по дороге, по-видимому от Карашара, движется большой караван — вражеские солдаты на верблюдах.

Акбар подал команду: «В ружье!» Тотчас рядом с ним оказался знаменосец Ясын. Отряд на лошадях под-

---

* В августе 1944 г. Шэн Ши-цай был отозван китайским правительством и по распоряжению Чан Кай-ши дубанем (генерал-губернатором) временно был назначен генерал У Чжун-синь. — *Ред.*

нялся на холм, там уже находилось около 100 вооруженных партизан. Акбар, расстегнув кобуру и вынув маузер, обратился к партизанам: «Враги не должны уйти живыми!» Вдруг раздались крики: «Вернись! Куда ты? Вернись!» Оказывается, глухой старик-чабан, узнав, что на ферме находятся повстанцы, приехал благословить Акбара. А сейчас по неведению скакал прямо к гоминьдановцам, не слыша криков партизан. Китайцы не стреляли в старика, решив взять его живым. Наконец, чабан распознал гоминьдановцев и тотчас повернул коня обратно. Гоминьдановцы открыли по нему огонь, но пули просвистели мимо. Вот старик уже в безопасности. Акбар подошел к чабану, поздоровался.

— Сын мой, я был другом твоего отца. Он долго боролся против гоминьдановцев. Молва гласит, что в этих горах он и его друзья спрятали много оружия. Ты должен найти его. Тебя я знал еще маленьким. Когда мне сказали, что ты командир повстанцев, я пришел тебя благословить,— старик говорил торжественно, и по его виду невозможно было определить, испуган он или нет. Акбар попросил его благословить всех партизан. Старик сразу же исполнил просьбу партизанского командира. На бойцов благословение старика произвело большое впечатление. Они говорили друг другу: «Говорят, если бой длится 40 лет, то тот, кому пришло время, погибает. А старик остался невредимым под градом пуль. Он благословил нас, и теперь мы должны бесстрашно драться с врагом».

— Ясын! Выше знамя! — крикнул Акбар, и 300 вооруженных и безоружных партизан начали обходить гоминьдановцев с трех сторон. Клубы пыли, поднятой партизанскими конями, создавали впечатление, что партизан очень много. Перепуганные гоминьдановцы, побросав оружие и верблюдов, кинулись к реке, намереваясь перебраться через нее, но повстанцы преследовали их и уничтожили... Партизанам достались неплохие трофеи: 500 винтовок, 2 пулемета, 300 верблюдов, навьюченных боеприпасами.

После этой операции отряд Акбара получил приказ выступить в село Карабас на соединение с отрядом Фатиха. Акбар недоумевал, почему отряд Фатиха оставил Нилки. «Ведь там много бедняков, сочувствующих нам,— думал он.— Народ будет недоволен повстанцами».

Фатих Муслимов

Но когда отряды соединились, Фатих ознакомил его со сложившейся обстановкой и с просьбой комитета по подготовке восстания прийти на помощь восставшей Кульдже.

Партизанские отряды направлялись к Кульдже. Перед отрядом стояли конкретные задачи. Один из них, вступив в Кульджу, должен был напасть на тюрьму Топадон, на окраине города, где томились жена и дети Фатиха.

Разведка партизан донесла, что в близлежащих селах гоминьдановские гарнизоны остались без зимнего обмундирования. В самой Кульдже находилось около

трех батальонов гоминьдановских солдат, они сосредоточены в основном в северо-восточной части города — Айранбаге — и на аэродроме. Насильно мобилизованные гоминьдановцами местные парни были размещены на бывшем складе, переоборудованном под казарму. Оружия у них не было.

Восстание в Кульдже

«Союз свободы» активизировал свою деятельность. Члены организации повели широкую агитационную работу среди молодежи, рабочих, крестьян и национальной буржуазии, стараясь возбудить патриотические чувства народа, вызвать его на борьбу с китайскими поработителями.

Изменился обычный вид кульджинских улиц: рано утром рабочие, шедшие на работу, ученики, направлявшиеся в школы, молочники, спешившие на базар, верующие старики, не торопясь шагавшие к мечетям,— все останавливались у заборов или столбов и читали листовки и воззвания. Владельцы лавок, открывая их, обнаруживали на дверях красные, синие, зеленые листки с призывами: «Да здравствует освобождение Нилки!», «Друзья! Встаньте в ряды восставших!», «Мы не хотим быть рабами! Нам нужны равенство и свобода!», «Да здравствуют народные повстанцы!», «Да здравствуют революционеры!». Люди читали призывы и с жаром что-то говорили друг другу.

Около большого плаката, прикрепленного к дереву, собралась толпа. На плакате был нарисован партизан, внизу — текст. Какой-то старик начал читать вслух: «Да здравствует освобождение Нилки. Долой гоминьдан!» Прочитав бегло весь текст, он начал комментировать его:

— Оказывается, в Нилки несколько тысяч повстанцев. Все они очень смелые. Они носят белые ушанки и белые шубы, кони под ними тоже белые и такие быстрые, что их даже ветер не догонит.

Старик говорил о партизанах взволнованно. Толпа становилась все больше. Я тоже стоял здесь же, ликуя и в то же время посмеиваясь в душе над стариком.

— Дорогу! Дорогу! — послышалось рядом.

Шестеро полицейских пробивались сквозь толпу к старику. Какой-то парень, сидевший на дереве, сорвал плакат и крикнул старику:

— Эй, старикашка-партизан! Беги!

Старик перепугался. Народу становилось все больше и больше. Улица оказалась запруженной людьми. Послышались злые возгласы:

— Скоро рассчитаемся!

— Вот подождите — придут партизаны!

Полицейские, не дойдя до старика, начали выбираться из толпы. Старик снял шапку и, вытирая пот с головы, засмеялся вслед полицейским. Потом начал говорить так возбужденно, будто и в самом деле был партизаном.

...В Кульдже было объявлено военное положение. Повсюду расставлены полицейские, часовые, ходят патрули. Даже по пути от дома до работы мне приходилось проходить мимо нескольких постовых. На базаре распространились слухи о большом количестве арестов и о расстреле по приказу Лю Бин-ди группы интеллигентов.

На последнем совещании руководителей «Союза свободы» решено было начать восстание 7 ноября 1944 г. Это было правильное решение, потому что гоминьдановцы уже успели отправить в Нилки до пяти тысяч солдат, а в Кульдже осталось в их распоряжении два батальона 382-го полка, батальон 4-го полка и курсанты авиационного училища — всего не более полутора тысяч человек. Они сосредоточились на аэродроме, электростанции, в полиции и в казармах северо-восточной части города. Нужно было спешить, ибо гоминьдановские войска, отправленные в Нилки, могли со дня на день вернуться.

Разработанный «Союзом свободы» план восстания сводился к следующему: ударом врасплох захватить штаб командующего войсками округа (сылинбу) и губернаторское управление; захватить живым Лю Бин-ди и судить его народным судом, что должно помочь повстанцам завоевать доверие и симпатии населения; вооружив народ, разгромить гоминьдановский гарнизон и занять казармы в Айранбаге.

Комитет по подготовке восстания сообщил партизанам, что они 7 ноября в 5 часов утра должны начать

наступление на Топадон (восточный пригород Кульджи).

Члены «Союза свободы» должны были собраться в это же время в доме Рузахуна, в предместье Алтэшар. Место это выбрали по тем соображениям, что оно малолюдно и хорошо укрыто.

Ночь на 7 ноября 1944 г. выдалась холодной и темной. Кульджа спала. На рассвете Аббасов вместе с бежавшими от ареста жителями пришел к Рузахуну. Здесь уже собрались все руководители организации. Быстро были распределены обязанности. Наш человек, наблюдавший за Лю Бин-ди, сообщил, что сегодня он находится в своем доме, куда прибыл тайно. В последнее время Лю Бин-ди вел себя с большой осторожностью: никогда не ночевал два раза подряд в одном месте, бывало, что проводил ночь в полиции.

Аббасов с группой повстанцев отправились брать Лю Бин-ди. Другая группа должна была уничтожить гоминьдановские патрули. Третья — атаковать небольшую радиостанцию и занять ее. На первых порах мы хотели очистить от врага Алтэшар и начать продвигаться по улице Уч Дарваза (Трое ворот) к штабу командующего войсками округа. Штаб был очень важным пунктом в городе — через него казармы в Айранбаге были связаны с аэродромом и важнейшими учреждениями. Кроме того, там находились центральная телефонная станция и губернаторское управление. Все шло в точном соответствии с разработанным планом, на рассвете мы заняли улицу Уч Дарваза и завязали перестрелку со штабом. Нам удалось наладить в типографии выпуск листовок, начинавшихся словами: «Все на борьбу с гоминьдановскими притеснителями!» Пропагандистской работой с самого начала восстания руководил Ахмеджан Касими. Он ознакомил всех руководителей с подготовленной им листовкой, в которой были такие слова: «Мы должны бороться против китайских поработителей, но не против всего китайского народа». Листовки выпускались беспрерывно и сотнями доставлялись в разные концы города, пригороды и близлежащие села...

Дом Лю Бин-ди находился недалеко от областного полицейского управления. Чтобы наверняка взять губернатора живым, наши люди устроили около дома засаду и ждали, когда он появится на улице.

Лю Бин-ди проснулся на рассвете от взрывов (это повстанцы учились на пустыре в Алтэшаре кидать гранаты, которых они много захватили у гоминьдановских патрулей и при взятии радиостанции). Губернатор попытался по телефону выяснить, что происходит в городе, но не получил вразумительного ответа. Тогда он связался с полицией и вызвал оттуда конвой.

Наша группа заметила, что в соседнем квартале появилось около десяти вооруженных полицейских. Лю Бин-ди тоже увидел их через окно и, не дождавшись, когда подойдут, выскочил за ворота. Повстанцы поняли, что операция срывается, и открыли огонь. Лю Бин-ди упал, полицейские бросились бежать. Забрав у убитого папку с документами, группа Аббасова возвратилась на улицу Уч Дарваза.

Палач, еще недавно хвастливо заявивший Шэн Шицаю: «Будь я губернатором Илийского округа, никто там не посмел бы восстать», — получил по заслугам.

Рано утром около мечети на улице Уч Дарваза раздался взрыв. Перепуганный сторож, прервав свой намаз, выскочил на улицу и поспешно начал прикрывать ворота. Раздались новые взрывы, участились выстрелы. Верующие, находившиеся в мечети, начали пугливо выглядывать в окна. На улице валялись трупы гоминьдановцев в серых мундирах. Вдоль стен и прячась за деревьями осторожно продвигались вооруженные люди, время от времени стреляя. В некоторых из них верующие узнали своих знакомых и тогда осмелились выйти из мечети...

Кульджинская электростанция, как обычно, в половине восьмого дала гудок. Значит, через полчаса, опять же по гудку электростанции, должны начать работу учреждения. В центральной части города дети, как обычно, спешили в школы, взрослые торопились на работу. Начал свой шумный день городской базар, но здесь время от времени собирались кучки людей, шепотом обсуждавших что-то. В 8 часов раздался обычный гудок. Над городом начал кружить гоминьдановский самолет. Открылся скотный базар, где всегда бывало много людей, и вдруг самолет, резко снизившись, сбросил на скотный базар бомбу и начал обстреливать находившихся там из пулемета. Послышались крики, стоны раненых. Толпа, обезумев, начала метаться по площади... По улицам

бежали к школам как попало одетые, растрепанные женщины, крича: «А-а, дитя мое! Где ты, ребеночек мой! Что с тобой?».

Двести невооруженных, насильно мобилизованных гоминьдановцами парней возвращались в город со строевых занятий, куда их угнали еще на заре. Мы застрелили двух офицеров, сопровождавших новобранцев. Мобилизованные растерялись. Один из наших прокричал:

— Друзья! Не бойтесь! Началось восстание против гоминьдановцев! За мной! В штаб!

Опомнившись, парни с криками «Ура!» побежали вслед за бойцом к штабу. На этих парнях была гоминьдановская форма, и мы во избежание недоразумений отправили их домой переодеться. Один из них, живший неподалеку, быстро возвратился и стал спрашивать, где взять оружие.

— Если его нет, то я сам смогу достать,— говорил он.— Прикончу гоминьдановца — вот и будет у меня винтовка.

— Не шуми, братец,— остановил его я.— Скоро и ты получишь винтовку. Так ты говоришь, что тебя зовут Рижаном?

Пока что все шло хорошо, но отсутствие партизан вызывало тревогу. Хотя мы заняли уже улицу Уч Дарваза и прилегающую к ней часть города, но сил у нас было мало, а партизан все не было. Оказывается, они по дороге напоролись в ущелье на засаду гоминьдановцев. Первым вступил в бой отряд Акбара, потом подоспели отряды Гани и Байчурина. Гоминьдановцы понесли большие потери, но и партизаны не досчитались 200 бойцов. В этом бою пал Акбар. Отряд возглавил его брат Сеит. Разгромив гоминьдановцев, партизаны устремились к Кульдже. Они с ходу заняли пригород Топадон, освободили из тюрьмы арестованных, среди них была и жена командира партизанского отряда Фатиха.

Гоминьдановцы направили на Топадон три самолета, которые стали обстреливать партизан из пулеметов. Это вызвало панику, так как среди бойцов было много скотоводов, которые впервые видели самолеты. Испугавшись, они бросились бежать к горам Сарыбулак. Штаб повстанцев направил туда связных Лутфуллу и Габито-

ва Талгата, но они лишь в Сарыбулаке догнали бежавших и передали им приказ двигаться к Кульдже...

Мне поручили подыскать помещение для штаба повстанцев поближе к месту боев, чтобы штаб оперативнее мог руководить действиями. Я долго ходил по дворам, но всюду встречал категорический отказ: люди боялись мести гоминьдановцев. Уже в отчаянии постучал я в ворота большого дома на улице Уч Дарваза около упоминавшейся уже мечети.

Открыла хозяйка — Халча-ханум и, едва дослушав мою просьбу, воскликнула:

— Пожалуйста! Пожалуйста! Я давно ждала такой революции!

Штаб повстанцев сразу же разместился в ее доме.

Мы попытались захватить окружное полицейское управление, но гоминьдановцы встретили малочисленный отряд атакующих настолько сильным огнем, что атака захлебнулась и мы вынуждены были отойти, понеся потери убитыми и ранеными.

Солнце уже перевалило за полдень. Пора было позаботиться о том, чтобы накормить повстанцев. Мы написали богачам из района Нового города, чтобы они выделили несколько баранов. Мясо появилось. Хозяйка дома, где разместился штаб, отдала все заготовленные на зиму дрова и весь запас хлеба. Несколько мешков хлеба собрали у жителей рабочие. Одна старушка принесла куски лепешек и сказала: «Вы действительно хотите освободить нас. Не обижайтесь, что я принесла вам хлеб...— Она помолчала, потом благословила всех, сказав: — Дай бог вам удачи»,— и заплакала.

Мы начали готовить обед. Аббасов, Касими, Касымджан, я и другие резали морковь. Касими как бы между прочим сказал мне:

— А я весной приходил к вам на завод, но не застал вас. По-моему, вы тогда скрывались от гоминьдановцев... Меня направили к вам специально. Теперь мы с вами нашли свой верный путь — путь борьбы...

К нам придвинулось несколько человек, и Касими замолчал.

Сочувствие населения было полностью на нашей стороне, наиболее решительные горожане взялись за оружие.

Взятие штаба командующего

На следующий день утром у штаба раздались выстрелы. Мы выскочили во двор. Один часовой был убит, другой ранен. Рижан поднял винтовку убитого и встал на его место. Оказалось, что на чердак дома напротив пробрались гоминьдановцы, они-то и стреляли в часовых. С вражескими солдатами быстро покончили.

Надо сказать, что подобные вылазки перепуганные гоминьдановцы предпринимали очень редко — они старались не показываться на улицах среди враждебного им населения, а предпочитали вести огонь из-за крепостных укрытий и с самолетов. Позже нам стало известно содержание разговора между заместителем командира гоминьдановской дивизии генералом Ду и начальником штаба Цао, который утверждал, что повстанцев в городе не больше тысячи, помощи им ждать неоткуда, а потому они обречены. Ду в свою очередь спрашивал: «Но почему же они разместили свой штаб в западной части города? Ведь Кульджа в кольце наших войск». Цао заметил, что повстанцы еще не прервали связь гоминьдановцев с учреждениями, в частности с полицией и городской управой. Нужно, предложил он, воспользовавшись этим, перевести солдат, расположенных на складе, в другое место, а казармы Айранбага подготовить для войск, которые возвратятся из Нилки. «Айранбаг — важная стратегическая точка в городе, — сказал Ду.— Значит, у нас самая лучшая позиция. Но наступать мы не можем, смутьяны могут получить поддержку...» — «Хорошо,—ответил начальник штаба.— У нас есть все возможности для успешной обороны». Сделав необходимые указания начальнику штаба, генерал Ду улетел на самолете в Урумчи.

Во дворе штаба кто-то окликнул меня:

— Как выдвинулись в начальство, так перестали замечать.

Оглянулся — это Усман Садык. Он привел с угольных копей около 300 шахтеров, и они сейчас рассредоточивались вдоль улиц, на крышах и чердаках домов. Их командир с пышными усами тоже стоял на крыше. Я крикнул ему шутливо:

— А вы что-то все время смотрите в сторону поселка Кудук. Неужели жену пытаетесь увидеть?

Гани-батур

Партизанские соединения из Нилки, обойдя город, вошли в Кульджу с западной стороны и соединились с повстанцами. Прибытие партизан воодушевило население. Вышли на улицу рабочие завода Мусабаева, заспешили в город жители близлежащих сел, те горожане, которые еще отсиживались в домах, начали тоже присоединяться к повстанческим отрядам. Образовался огромный поток людей, вооруженных чем попало. «Уничтожим гоминьдановцев!», «Захватим их штаб!», «Победим врага!», «Ура-а-а! Вперед!» — раздавались над толпой призывы.

Но штаб гоминьдановцев с ходу взять не удалось. Гоминьдановцы там хорошо укрепились и поливали беспрерывным ружейно-пулеметным огнем прилегающие

улицы. Захлебнулось еще несколько атак. И лишь одновременный натиск с трех сторон принес нам победу. Штаб командующего войсками Илийского округа был захвачен, нарушена связь между гоминьдановцами внутри города. Это была наша первая крупная победа.

Теперь предстояло занять электростанцию, государственный банк и другие учреждения.

Захват электростанции мы решили осуществить ударом с трех сторон. Со стороны улицы Тогра курук (восточнее электростанции), со стороны штаба (с севера) и со стороны больницы и национальной гимназии (с северо-запада и запада), куда выходят ворота электростанции. На эти участки были направлены отряды Гани и Байчурина. В разгар боя заревел гудок, беспрерывно и оглушающе. Когда бойцы ворвались в здание электростанции, то увидели висевшего на ручке гудка убитого гоминьдановца. Его сбросили с ручки, и мы услышали наверху пулеметную очередь.

— Не стреляйте! Здесь остался только один пулеметчик! — крикнул Гани и, выломав дверь, помчался наверх. Через некоторое время пулемет умолк, а пулеметчик-гоминьдановец лежал на земле, сброшенный Гани.

Наши ряды пополняются

Я уже рассказывал о том, как на нашу сторону перешел отряд насильно мобилизованных гоминьдановцами парней. Два других таких отряда остались в казармах в полном составе.

Командир роты приказал выдать солдатам этих двух отрядов трехдневную норму питания, и дежурные солдаты стали носить на носилках в казарму продукты. Остальным выходить из казармы запрещалось под страхом расстрела на месте.

В полдень ворота закрыли. Только помещения казармы оставались еще открытыми. Это, собственно, были не казармы, а старый склад, в котором раньше хранились кожи. Его разделили перегородками, превратив, таким образом, в казармы, в каждом отделении располагалось по 50—60, а то и 100 солдат. Перед вечером командир роты приказал поместить всех солдат-уйгуров

в одну казарму и закрыть ее. Он спросил у заместителя, кому можно доверять. «Садыру, — ответил заместитель.—Он сын торговца и неоднократно выполнял поручения наших офицеров». (Поручения эти заключались в том, что китайские офицеры сбывали через Садыра на базаре украденные из солдатских пайков табак, мыло, продукты.) Караулить запертых поставили Садыра, вручив ему винтовку с одним патроном.

Взломав стену примыкавшего к казармам пивзавода, гоминьдановцы проникли на его территорию и завязали оттуда перестрелку с повстанцами. Но долго они не продержались, под напором повстанцев вынуждены были отступить. Штурмующие побежали к казарме, где были закрыты новобранцы-уйгуры. Сорвали замки, солдаты высыпали во двор. Среди них оказалось десять человек наших людей, но они о происшедших событиях ничего не знали, потому что связь с ними поддерживалась через Аббасова, который до начала восстания вынужден был скрываться от ареста. Освобожденные солдаты примкнули к нам.

Если смотреть с улицы Тогра Корук на восток, то в глаза бросаются два здания: мечеть и магазин. За магазином находилась одна из больших городских тюрем. В этот день заключенных не выпустили на прогулку, не кормили. Заключенные стали кричать, колотить в двери камер, но безответно, потому что тюремщики при первых звуках выстрелов бежали к казармам китайских войск.

Выстрелы участились и стали слышны громче. Один из узников увидел в окно, что дверь склада тюрьмы открыта и туда вошли двое. Вскоре они вышли с валенками в руках. Заключенные стали кричать: «Освободите нас!» Один из вышедших взломал замок ближайшей камеры. Освобожденные из нее узники стали взламывать замки на дверях других камер. Вскоре тюрьма опустела, хотя повстанцы еще не подошли сюда...

— Пули так и свистят на улицах, а ты хочешь сражаться штыком! — причитала Тудихандям, загораживая дорогу сыну Шейхидину. Ее вопли были слышны в соседних дворах.

— А ты успокоишься, если завтра вместо штыка я принесу винтовку? — спросил Шейхидин

Вышла сестра.

— Мы давно осиротели, остались без отца. Думали, что ты вырос, стал разумным, а ты...

— Я все хорошо понимаю. Маме приходилось трудно, но она сумела вырастить нас. Она стирала на людей, стряпала,— ответил Шейхидин и повернулся к матери:— Мама! Что ты сказала в штабе, когда отнесла туда кукурузные лепешки?

И мать отпустила сына. И он сразу же ушел к повстанцам.

В отряде, к которому присоединился Шейхидин, было около 400 человек, вооруженных ножами, штыками, вилами. За отрядом шумными ватагами шли мальчишки. Когда отряд подошел к штабу, вооруженные повстанцы встретили его возгласами «Ура!».

Отряду приказали следовать за повстанцами. К ним по дороге присоединялись новые и новые группы людей с вилами, топорами, дубинками, охотничьими ружьями... Над городом стояло многоголосое «Ура!». Вышедший было из северо-восточных казарм батальон гоминьдановцев в страхе вернулся обратно. Жители выбегали на улицы и нападали на вражеские патрули, вооружались за счет врага. Всюду валялись убитые солдаты. Уцелевшие группы гоминьдановцев старались укрыться в казармах Айранбага...

Месяц тому назад Баки-ака вышел из тюрьмы. Когда друзья позвали его присоединиться к повстанцам: «Идем! Пришло наше время!» — он не пошел. Жене велел отвечать всем, что его нет дома, а сам спрятался в маленькой комнатке, с ужасом вспоминая все, что происходило в тюрьме. Он думал: буду жить тихо, мирно, кормить, обувать и одевать детей и ни о чем больше не думать. Посмотреть, что делается на улице, все-таки хотелось, но, глядя на испуганные лица жены и детей, он лишь тяжело вздыхал.

К ним прибежал сосед и радостно закричал:

— Хорошие новости! Теперь мы свободны! Штаб и учреждения взяты нашими! Мой сын возвратился домой с винтовкой. Я погнал его обратно: «У вас же не хватает оружия, люди сражаются чем попало, а ты с винтовкой — и идешь домой? Или ты со мной воевать хочешь?» И он возвратился в отряд...

Баки-ака очень уважал своего соседа, целыми днями сапожничавшего на улице. И он решил, что хватит

отсиживаться в стороне от событий, и вместе с соседом вышел на улицу...

Штаб повстанцев перешел в помещение гоминьдановского штаба. Сюда зашел Ахмеджан Касими и показал листовку:

— Просмотрите и отдайте печатать. Я очень спешу.

Он ушел. Мы прочли листовку и передали ее редакторам Хабибу Юничеву и Абдулле Закирову.

В типографии уже заканчивали печатать тираж листовки, когда Ахмеджан принес текст новой, которая начиналась словами: «Братья всех национальностей! Нас ждет победа или смерть...» Мы немедленно отдали ее в набор. Ахмеджан сказал мне:

— Теперь и редакция газеты в наших руках. Иду туда.

«А он очень толковый человек, этот Ахмеджан»,— подумал я.

Поиски Давута

Банк и различные учреждения, кроме полиции, мы заняли без выстрелов. Но около полиции встретили ожесточенное сопротивление гоминьдановцев. Беспрерывные пулеметные очереди не давали продвигаться вперед. При главном полицейском управлении была большая тюрьма. Нам хотелось быстрее освободить революционеров и многих ни в чем не повинных людей. У меня была надежда разыскать Давута.

Группа повстанцев обошла полицейское управление. Послышались частые выстрелы, и пулеметные очереди из полиции оборвались. Раздался оглушительный взрыв — повстанцы взорвали часть крепостной стены и пошли в атаку с криками «Ура!». Возле одного из домов я увидел труп Лю Бин-ди. Еще недавно губернатор выступал перед народом с хвастливыми и многообещающими речами, но, очевидно, он все же предчувствовал назревающее восстание и боялся его. Поэтому заранее тайком запаковал в сундуки награбленное у арестованных добро и вместе с женой собирался бежать в Урумчи. Его планам не суждено было осуществиться.

Мы заняли полицейское управление. Думая узнать

что-нибудь о судьбе Давута, я стал торопливо просматривать документы в папке, которую Аббасов забрал у Лю Бин-ди. Мне попался на глаза заполненный бланк телеграммы. Вот ее содержание: *«Срочно. Центральному управлению полиции в городе Дихуа*, господину Жу Жэнь-гуну. Самолет! Срочно вышлите самолет! Ваш слуга Лю Бин-ди. 6 ноября, 12 часов».*

Полицейское управление было окутано дымом, пахло гарью. Из разбросанных на полу бумаг я подобрал маленькую тетрадь. На первой странице ее было написано: «Список приговоренных к казни». Меня будто пронзило током. Сдерживая бешеное биение сердца, я стал торопливо перекидывать страницы. На одной из них красными чернилами было написано имя Захира, а ниже: «30 сентября приговор приведен в исполнение». У меня потемнело в глазах: месяц с лишним тому назад наш друг Захир был казнен палачами.

Со страхом листаю тетрадь дальше. Однако имени, которое искал, не обнаружил. Более спокойно перелистал тетрадь вторично. И на предпоследней странице, в углу заметил имя Давута, а ниже приписку: «На допросе молчит. Усилить пытку»,— и еще ниже: «Приговор приведен в исполнение 6 ноября вечером». Снова потемнело в глазах. К горлу подступил комок. Кровавая тетрадь палачей выпала из рук. Когда поднял голову, увидел стоявшего рядом Керимахуна. Наверное, он понял, что было в этой маленькой тетради: по его морщинистому лицу катились слезы.

«Неужели Давута больше нет в живых? 7 ноября началось восстание, уже утром наши окружили полицейское управление. Потом атаковали его. Может быть, не успели привести приговор в исполнение?» — эта слабая надежда толкнула меня к действиям. Я вышел из помещения.

Вечерело. Ворота полицейского управления были широко раскрыты, седые старики, старухи, женщины с детьми на руках спешили туда. Они громко выкрикивали имена своих близких... Две женщины с гневом выспрашивали что-то у тюремщика. Несколько старух и стариков пытались сдвинуть крышку с колодца. Наконец это им удалось. Молодые парни спрыгнули в коло-

---

* Дихуа — бывшее китайское название Урумчи. — *Ред.*

дец и подняли оттуда семь окровавленных, истерзанных трупов. Некоторые, как видно были зарублены саблями, другие повешены или облиты раскаленным маслом. Тела были настолько изуродованы, что опознать их оказалось невозможно. Двор наполнился рыданиями, криками. Одна женщина бросилась на тюремщика и начала рвать на нем одежду.

Я подошел к тюремщику и стал расспрашивать о вчерашних приговоренных. Хныча о пощаде, он рассказал, что в колодец трупы были брошены три дня тому назад, а вчерашних приговоренных намеревался казнить сам начальник полицейского управления. Больше тюремщик ничего не знал. Выяснив, где еще находятся камеры, мы пошли туда. Здесь стояли серые, без окон здания. Двери открыты, внутри кровь и нечистоты. Я стиснул зубы: если Давут и не убит, то находится на грани смерти.

В одной из камер я споткнулся о что-то мягкое. Зажег спичку и увидел труп врага с отвисшей челюстью, в руках его была веревка. Керимахун пинками оттолкнул труп палача в сторону. Ударами приклада он сбил замок с двери другой камеры. Вошли туда. В камере темно, ничего не видно. В нос ударило зловоние. Приглядевшись, различили в углу на соломе два человеческих тела. Одно совсем закоченело, а другое еще теплое. Быстро вынесли его во двор. Человек еще дышал, но опознать его было трудно: все тело в ранах, окровавленная одежда клочьями слиплась, обожженные раскаленным маслом места опухли, из ран сочился гной....

— Это... это Давут,— прошептал Керимахун.

Я вздрогнул и всмотрелся в лицо лежащего: это был Давут. Проклятые! Как они его изуродовали!

Я стал звать:

— Давут! Давут! — Но он молчал и даже не открывал глаз. Мы сняли с себя одежду и укрыли его. Керимахун отошел к колодцу, где собрались люди, и закричал:

— Друзья! Вы видите, что они сделали с нашими близкими? Отомстим! Кровь за кровь! Смерть за смерть! Отомстим!

— Отомстим! Долой гоминьдан! Долой гоминьдановцев из Синьцзяна! — раздались возгласы из толпы.

Встреча с Кевиром

Гоминьдановцы отступали по всему городу в направлении Айранбага. Для прикрытия они выслали бронемашины и самолет. У нас не хватало оружия, и эффективно преследовать врага было очень трудно. Но нельзя было упускать инициативу из рук, нельзя было позволить опомниться гоминьдановцам, необходимо сломить их морально, иначе, собравшись с силами, они не только вернут утраченное, но истребят поголовно всех жителей восставшего города. История борьбы уйгурского народа со своими поработителями знает немало примеров того, как китайские войска исключительно жестоко расправлялись не только с повстанцами, но и с мирными жителями. Более 100 тысяч человек, в том числе женщин и детей, истребили полчища генерала Цзо Цзун-тана в 1877 г. ...

Мы несли потери, но не ослабляли нажима на врага. Нам на помощь подошли отряды партизанской конницы Гани и Байчурина. Сверкая обнаженными клинками, с криками «Ура!» стремительно налетели партизаны на гоминьдановцев, вызвав в их рядах панику. В это время низко над нами пролетел самолет. И тут я увидел Кевира. Он скакал впереди небольшого отряда на пегой лошади и что-то кричал. В следующий момент он вместе с конем рухнул на землю. Я подбежал к нему. Он попытался встать, но со стоном снова опустился на землю. Пуля прошла через бедро, но кость не задела. Разорвав одежду, я перевязал ему рану. К нам подскакало несколько партизан. Кевир сказал им, что ничего страшного не случилось, рана пустяковая.

— Я никак не мог разыскать товарища Ахмеджана и вас. А где Давут? — спросил он.

— Давут жив. Ахмеджан в центральном штабе.

Я отвез Кевира, несмотря на его протесты, в поликлинику и зашел в штаб за дальнейшими указаниями.

Стемнело. Выстрелы в центре города затихли. В воздухе засияли осветительные ракеты. Повстанческие отряды начали очередную атаку на позиции гоминьдановцев...

Поздно ночью в штабе обсудили итоги прошедших дней и наметили план дальнейших действий. Враг сосредоточивается в северо-восточной и северной частях

города, в основном в казармах Айранбага и на аэродроме. В близлежащих селах население уничтожило или изгнало гоминьдановские гарнизоны. Существенную поддержку враг может получить только из Урумчи, но основная приспособленная для больших передвижений дорога проходит через Кенсайское ущелье, где партизаны успели разрушить мост, вследствие чего ущелье стало непроходимым. В поселок Ляоцаогоу, находящийся у входа в Кенсайское ущелье, был направлен хорошо вооруженный отряд. Было принято решение полностью очистить Кульджу от гоминьдановских войск и начать освобождение уездов Илийского округа...

Кульджа освобождена

В следующие дни продолжались стычки с гоминьдановскими частями. Все население города активно помогало нам. Помню один интересный случай. Две казашки отправились за водой. Вдруг одна из них увидела троих бегущих гоминьдановцев с оружием и, закричав, выронила ведра. Но вояки перепугались еще больше, побросали винтовки и подняли руки. Так две женщины, сами перетрусившие, взяли в плен троих солдат и доставили их в наш штаб. Многие отказывались верить случившемуся, но впоследствии об этом эпизоде было даже рассказано в газете.

Народ горел желанием расправиться с врагом. Гоминьдановцев подстерегали за каждым углом, на каждой улице, в каждом переулке. Часто на головы им падали с крыш большие камни. Мы в первый же день вывели из строя телефонную связь с Суйдуном, Куре и Чимпанцзи, чтобы гоминьдановцы не смогли вызвать подкрепление из этих уездных центров. Но в город возвратились уцелевшие после стычек с партизанскими засадами остатки соединений противника, посланные в Нилки. Их бо́льшую часть гарнизона мы оттеснили в район Айранбага, Ляншана и аэродрома и там плотно блокировали.

Айранбаг расположен на возвышенной части города. Отсюда кажется, что город в низине. На самой высокой точке находятся айранбагские казармы, обнесенные крепостной стеной. С севера к Айранбагу примыкает

аэродром, а с востока — Ляншан. Еще дальше, к северу и северо-востоку, расположены села Панджим, Кулустай и Ногайму с очень плодородными землями. Вдали чернеют знаменитые своим высококачественным углем Гангульские горы.

Штаб гоминьдановцев расположился в Айранбаге. Надо сказать, что их положение отнюдь не выглядело безнадежным. Хоть враг и был морально подавлен, но все-таки он представлял серьезную угрозу. После возвращения посланных в Нилки соединений численность гоминьдановцев достигла 2800 солдат и офицеров. Оружием, боеприпасами и медикаментами они были обеспечены в избытке. Их штаб наладил постоянную радиосвязь с центром провинции, городом Урумчи, откуда стали регулярно прилетать самолеты, которые бомбили Кульджу и сбрасывали на парашютах продовольствие осажденным. Гоминьдановский штаб постоянно просил подкреплений из Урумчи. В ответ летели наставления и обещания: «Мужайтесь! Сражайтесь героически! Не сдавайтесь! В ближайшее время высылаем помощь!» Офицеры старались с помощью этих радиограмм поднять моральный дух своих солдат, и вначале это удавалось.

Нас беспокоила существовавшая у урумчинского командования возможность перебросить подкрепления к Кульдже через южные горные перевалы — со стороны городов Аксу и Карашара. Правда, утешало то, что эти перевалы труднопроходимы даже летом, а сейчас уже наступила зима, и, следовательно, самых незначительных сил будет достаточно, чтобы сделать их неприступными. Но существовал еще путь через перевал Талки и Кенсайское ущелье, по этому пути гоминьдановцы уже направили подкрепления. Мы выставили в ущелье небольшой заслон, но в тылу заслона оставался город Суйдун с большим гарнизоном — до трех гоминьдановских полков.

Противник мог бы, стянув войска из Куре, Суйдуна и Чимпанцзи, начать наступление на Кульджу и задушить восстание. Он мог из Суйдуна ударить также в тыл нашему заслону, когда тот завяжет бои с подошедшими гоминьдановскими подкреплениями в Кенсае. Это открывало путь к Кульдже для гоминьдановских полчищ, которые в случае победы потопили бы в крови его жителей.

Нам нужно было спешно предпринимать какие-то решительные действия для облегчения своего положения. Самое лучшее, казалось бы,— ликвидировать айранбагскую группировку, но мы не могли идти на штурм хорошо укрепленных казарм, потому что лучше вооруженные, причем более современным оружием, гоминьдановцы спокойно перестреляли бы нас из своих укрытий, нанесли бы восставшим невосполнимый урон. Даже если бы нам и удалось овладеть крепостью без больших потерь, враги могли отступить через примыкавшие к ней с севера холмы и затем двинуться на соединение с суйдунским гарнизоном.

Мы решили уничтожить врага по частям. Гоминьдановцы, к счастью, не знали, что творится в Кульдже, не располагали сведениями о численности повстанцев и, ожидая помощи из центра, вели себя пассивно, лишь время от времени засылая в город шпионов, которых население тут же разоблачало. Мы упорно работали над повышением боеспособности отрядов, обучали население владению оружием, правилам ведения боя. За счет добровольцев значительно увеличилась численность отрядов. Продовольствием нас пока что обеспечивали горожане. Чтобы у гоминьдановцев не возникло желание атаковать нас, мы держали их в постоянном напряжении, совершая вылазки к аэродрому и по всей линии фронта. Мы создали у врага иллюзию, что нас во много раз больше, чем на самом деле. Это дало нам возможность высвободить значительные силы для разгрома гоминьдановских гарнизонов во всех уездах Илийского округа.

Провозглашение республики

Небольшая часть гоминьдановцев кульджинского гарнизона, не имея возможности пробиться к Айранбагу, перебралась через реку Или и укрылась в крепости Чонкуре. К ним присоединились солдаты из близлежащих населенных пунктов. По пути и в крепости они грабили и убивали мирных жителей. Люди прятались, где могли. Примерно то же самое происходило и в Суйдуне.

Несколько наших отрядов были направлены в Ляоцаогоу и Чимпанцзи. Эти населенные пункты удалось

очень быстро освободить от врага. Для нас особенно важное значение имел Ляоцаогоу, расположенный на пути из Урумчи в Суйдун и далее в Кульджу. И в Ляоцаогоу, и в Чимпанцзи наши отряды значительно пополнились местными жителями затем чимпанцзинский отряд под командованием дунганина Мансура Ломиева (в свое время 11 месяцев просидевшего в гоминьдановской тюрьме и теперь горевшего желанием изгнать врагов) направился на соединение с ляоцаогоуским отрядом, которым командовал старый друг Ломиева. Всего в Ляоцаогоу собралось до 1000 всадников, но только у 200 было военное оружие. Отрядам предстояло ликвидировать суйдунскую группировку противника. Наш штаб разработал план взятия суйдунской крепости.

Отряды окружили город. Гоминьдановцы к этому времени уже успели спилить все деревья и кусты вокруг крепости и сравнять с землей дома. На крепостных стенах они установили пулеметы и теперь считали себя в полной безопасности.

Повстанцы собрали лестницы у окрестных жителей и под вечер устремились в атаку. Но безуспешно. Тогда они решили подорвать крепостные ворота. Пользуясь темнотой, они заложили под ворота взрывчатку. В 22 часа 40 минут начали обстреливать крепость из минометов. Отряды ждали команды. Ровно в 23 часа раздался взрыв, часть крепостной стены взлетела в воздух. В небе появились осветительные ракеты, и с криками «Ура!» повстанцы ринулись с двух сторон в атаку. Оставшиеся в живых гоминьдановцы сдались в плен. Наши отряды начали вытаскивать раненых и тушить возникший в городе пожар. В этом бою принимал участие татарский отряд Гарифа-абзи.

После взятия Суйдуна отряд Мансура Ломиева был направлен в Кульджу, часть отряда Гарифа-абзи ушла к Кенсаю. Из остальных отрядов сформировался полк, получивший впоследствии название первого суйдунского стрелкового полка. Командиром его стал Могутнов, начальником штаба — Маргуп Исхаков.

12 ноября 1944 г. на освобожденной территории была провозглашена Восточно-Туркестанская Республика и объявлено о сформировании ее Временного правительства. Временное правительство выступило с обращением к народу, в котором наметило цели и основные направле-

ния своей деятельности: на основе равноправия населяющих Синьцзян народов образовать подлинно свободную независимую республику, развивать местную промышленность, сельское хозяйство, скотоводство и торговлю, поддерживать ислам и другие религии, развивать культурно-просветительную работу и улучшать работу по здравоохранению, установить дружественные связи со всеми демократическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом, установить также экономические и политические отношения с Китаем, создать народную армию из представителей различных национальностей, национализировать банки, почту, телеграф, недра и лесные богатства, искоренять национализм, карьеризм и взяточничество.

Временное правительство с первых же дней своей практической деятельности провело ряд мероприятий, в том числе хозяйственных, по обеспечению порядка и условий нормальной жизни на освобожденных территориях.

Освобождение Калмаккуре. Агитаторы

В деревнях и поселках округа, еще не освобожденных нами, гоминьдановцы распространяли среди населения панические слухи о том, что повстанцы творят беззакония и что поэтому их следует опасаться. В некоторых селах им верили.

Часто понять смысл происшедших в Кульдже событий, дать им верную оценку помогали скотоводам и сельским труженикам рассказы выпущенных из кульджинских тюрем заключенных, которые возвратились к родным очагам. Но ограничиться такой «агитационной работой» было, конечно, нельзя, хоть она и давала свои результаты.

И мы решили, что в наиболее населенные места необходимо направить агитаторов, которые разъяснили бы цели и задачи Временного правительства и призвали бы народ к борьбе против гоминьдановского засилья. В связи с этим я расскажу об освобождении уездных центров Кызылкуре и Калмаккуре, расположенных у отрогов Муздавана. Оба города с 8 ноября потеряли всякую

связь с Кульджой, но между собой еще были связаны телефоном. 10 ноября в Калмаккуре было объявлено о введении комендантского часа с 18 часов. В Кызылкуре жителям под угрозой расстрела было запрещено появляться на улице после 21 часа.

В эти дни в Кызылкуре и Калмаккуре возвратились освобожденные нами из кульджинских тюрем местные жители. Они рассказали людям правду о том, что произошло в Кульдже. Народ начал вооружаться чем попало и покидать город.

11 ноября произошло примечательное событие. У одного скотовода, приехавшего на базар в Кызылкуре за покупками, гоминьдановские солдаты отобрали лошадь. Перемерзший и злой он зашел погреться на телефонную станцию. В это время телефониста куда-то позвали. Вдруг зазвонил телефон. Скотовод поднял трубку:

— Кызылкуре слушает. Кто у телефона?

— Я начальник полиции Калмаккуре. Как там у вас?

— Кызылкуре занят повстанцами. Только что захвачена полиция. Против вас выслали тысячу всадников.

Гоминьдановцы в Калмаккуре поверили и начали делить награбленное у жителей добро. Но угнать с собой 1500 баранов и 1200 породистых лошадей было невозможно, и они оставили их под расписку у местных богачей.

Сгустились сумерки. На вершинах окрестных холмов собрались большие стада яков. Эти животные зимой очень своеобразным способом добывают корм из-под снега: взобравшись на вершину горы, як съезжает вниз, а потом, поднимаясь по своему следу, пасется. Так проделывает он несколько раз за ночь.

Перепуганным гоминьдановцам, намеревавшимся перестрелять в местной тюрьме заключенных, стада яков показались бесчисленными конными отрядами повстанцев, и они бросились бежать, решив напоследок поджечь тюрьму. Но где-то прозвучал одиночный выстрел, и гоминьдановцев как ветром сдуло.

Начальник тюрьмы выпустил всех заключенных и вошел в покинутый начальником полиции кабинет. Зазвонил телефон. Начальник тюрьмы поднял трубку:

— Калмаккуре слушает.

Звонили из Кызылкуре, спрашивали, каково положение в уезде. Начальник тюрьмы ответил:

— К нам пришли повстанцы из Кульджи.

В ответ раздались длинные гудки...

Гоминьдановцы из Калмаккуре направились к Шаты дожидаться там помощи из Аксу. Один из их эскадронов, состоящий из монголов, дауров и сибо, перешел на сторону повстанцев. Но так как отряд был небольшой, он не мог нанести гоминьдановцам серьезный удар. Тогда командир отряда Бавсен решил занять перевал Чагарты, чтобы преградить врагам единственный возможный путь в Южный Синьцзян. У тропы между двух ледниковых гор Бавсен устроил засаду.

21 ноября гоминьдановцы, так и не дождавшиеся помощи из Аксу, двинулись в сторону Коксу на Кучар и наткнулись на засаду Бавсена. Его стрелки перестреляли шедших впереди, остальные 70 человек сдались в плен. Монгольские скотоводы помогли стрелкам Бавсена связать гоминьдановцев.

Вскоре из местных жителей был сформирован еще один эскадрон и направлен под командованием Бавсена на охрану перевала Музарт...

Первые группы агитаторов вышли из Кульджи 17 ноября. Я узнал, что среди них были Талгат и брат Лю Бин-ди Ильяс. Их направили вместе с другими товарищами в села Кунгес и Токузтара. Я немедленно зашел к Илихану:

— Вы ведь знаете, кто такой Талгат. Если бы он был в наших рядах в тот момент, когда Лю Бин-ди арестовывал и казнил народ, то он, конечно, выдал бы и нас. А вы доверяете ему такое дело, и не только ему, а с ним еще посылаете брата Лю Бин-ди.

Илихан ответил:

— Вот увидишь, Ильяс и Талгат выполнят порученное им дело. Они смогут привлечь на нашу сторону жителей Кунгеса и Токузтара.

— Вот увидите, они перебегут на сторону гоминьдановцев,— сказал я и вышел из кабинета.

Группа агитаторов и небольшой вооруженный отряд остановились в селе Каличи, расположенном при впадении реки Каш в Или. На другом, южном берегу Или раскинулся поселок Ямату, в это время занятый еще гоминьдановцами. Уже два дня, как через Или не ходил паром, так как быстрое течение выносило из Каша огромные льдины. Паром находился на противоположной

стороне, и надо было найти способ переправиться через реку, иначе не попасть ни в Кунгес, ни в Токузтара, ни в Текес. Ильяс вызвался перегнать паром на нашу сторону и исчез. Агитаторы узнали от жителей, что в одной из лавок имеется телефон. Отправились туда. Ильяс оказался там, он только что закончил с кем-то разговор по телефону. На вопрос, с кем говорил, Ильяс не ответил. Агитаторы заподозрили неладное.

На следующий день два испуганных паромщика перегнали паром на нашу сторону. Здесь они понемногу успокоились, и старший сказал:

— Гоминьдановцы только что покинули Ямату. Мы привезли телефониста. Он работал на гоминьдановцев.

Агитаторы поручили одному из сельчан доставить телефониста в Кульджу, а сами переправились через Или и, не задерживаясь в Ямату, двинулись дальше. На развилке дорог они разделились на две группы: одна отправилась в сторону Текеса, другая — в Токузтара.

Через некоторое время второй группе повстречались два всадника. Как водится, все остановились, обменялись новостями. Встречным рассказали о событиях в Кульдже. Они посоветовали агитаторам ехать в Кызылкуре, потому что враги оттуда бежали.

Всадники поехали дальше своей дорогой, но вдруг один из них остановился и стал пристально смотреть вслед агитаторам, а потом обратился к своему спутнику:

— Ты не узнал среди них одного человека? Ведь это же Ильяс, брат Лю Бин-ди. Но если они говорят, что Лю Бин-ди расстрелян в первый же день восстания, то почему разгуливает этот Ильяс? До восстания Ильяс приезжал к нам на охоту вместе с гоминьдановцами. И приезжали они не с охотничьими ружьями, а с германскими карабинами. Он даже выступал на собрании, устроенном гоминьдановцами. Я хорошо помню. Что же это творится в Кульдже? Надо там поговорить... Вот увидишь, он перебежит к врагам...

В Токузтара агитаторы прежде всего созвали людей на митинг. Народу собралось много. Первым выступил Талгат. Смысл его речи заключался в том, что вот, мол, китайцы немало помучили нас, а теперь власть в наших руках. После него выступали другие агитаторы.

Вечером Талгат с Ильясом долго совещались, а потом послали одного из агитаторов с письмом в Кульджу. Стало известно, что Талгат в доме, где остановился, укрывает двух переодетых гоминьдановских офицеров. На другой день трое вооруженных агитаторов, ничего не сказав Талгату, ушли в Кульджу. Талгат хитростью разоружил остальных и запер в сарае. 22 ноября Талгат и Ильяс с переодетыми гоминьдановцами бежали в сторону Кунгеса...

Я сидел в кабинете председателя правительства, мы обсуждали положение на фронтах, когда вошел агитатор, посланный Талгатом в Кульджу. Он вручил письмо. Там было написано:

«Уважаемый председатель!

Положение у нас очень тяжелое. Ильяс-ака руководил нами умно, но враг оказался коварным. Все-таки Токузтара мы освободили, но я тяжело ранен. Пусть брат Аблахат приедет навестить меня.

21 ноября, Токузтара, Талгат».

Я сказал председателю, что все это неправда. Талгат, очевидно, уже перебежал к врагам и теперь хочет выманить Аблахата. Председатель ответил:

— Сын мусульманина никогда никого не предаст,— и сердито посмотрел на меня.

Мы стали расспрашивать приехавшего агитатора. Дело понемногу прояснилось, но я заметил, что председатель еще не отказался от намерения отправить Аблахата к Талгату. В конце концов мне все-таки удалось добиться того, чтобы Аблахат остался в городе.

Через несколько дней вернулась еще группа агитаторов. Они рассказали о проделках Ильяса и Талгата и о том, что в Токузтара неспокойно. Все стало ясно.

Уже позже я узнал, как Талгат сумел стать агитатором. Он явился к Илихану и возмущался, что до сих пор ему не доверяют.

— Ведь я еще до восстания предлагал свои услуги. Вы же понимаете, что я догадывался о вашей подпольной деятельности, когда говорил с вами после устроенного у меня обеда? Если бы я был предателем, то что мне мешало выдать вас тогда же? Почему меня лишают возможности помогать революции? Я слышал, что вы

готовитесь послать агитаторов в уезды. Пошлите и меня, вы не раскаетесь в этом. Местность и людей за рекой Или я хорошо знаю...

Илихан подумал, что он обидел Талгата своим недоверием еще тогда, накануне восстания, и ему захотелось как-то исправить положение. Талгат ловко сыграл на этом его чувстве и не только сам сделался агитатором, но и сумел упросить за Ильяса. Теперь надо было что-то предпринимать.

28 ноября в направлении Карашара был послан эскадрон под командованием Наиля преследовать беглецов. Для наведения порядка в Токузтара направили Абдуллу Закирова с полномочиями начальника местной милиции.

Через некоторое время мы узнали, что Талгат и Ильяс с гоминьдановцами добрались до Карашара, а оттуда до Урумчи.

Положение в Кульдже

В течение ноября наше положение в Кульдже значительно улучшилось. Наиболее крупные вражеские группировки вокруг города были ликвидированы или совершенно деморализованы, запасы оружия и боеприпасов значительно пополнены за счет трофеев, в народную армию постоянно вливались все новые, и новые добровольцы. Но постоянную тревогу вызывало то, что мы не могли без потерь ликвидировать айранбагскую группировку противника и нам постоянно угрожало нападение гоминьдановцев со стороны перевала. У перевала Талки уже возникали бои с передовыми частями гоминьдановцев. Но пока что наши отряды удерживали перевал.

Вражеские самолеты почти каждый день бомбили и обстреливали Кульджу и сбрасывали в Айранбаг на парашютах боеприпасы и продовольствие. Но положение осажденных все ухудшалось, им не хватало продовольствия, потому что из-за неопытности летчиков часть боеприпасов и продовольствия попадала в наши руки. Вялая днем, перестрелка между нами и гоминьдановцами усиливалась к ночи. Вражеские солдаты устраивали под покровом темноты вылазки в окрестные села за фура-

жом и продуктами. Жители сел по мере возможности оказывали врагу сопротивление.

Нам удалось получить сведения о совещании командиров блокированных в Кульдже гоминьдановских частей, которое провел начальник штаба Цао. Один офицер упрекнул начальника штаба:

— Вы хотите растянуть линию фронта от аэродрома до Карадона. Это минимум 10 километров. Разве возможно, имея в наличии 3 тысячи солдат, держать оборону на таком протяжении?

— Ты ищешь дела полегче? — одернул его Цао.— Нам надо было в первый же день всеми силами атаковать повстанцев, а не прятаться, как настоял Ду Дэ-фу.

Заговорил другой офицер:

— Повстанцы сейчас не могут выбить нас, но и мы не имеем сил вторгнуться в город. Если мы начнем наступление, то уже через час окажемся полностью разгромленными. В последней радиограмме нам обещали большую помощь, и очень скоро. Я предлагаю подождать.

— Что же, мы так и будем торчать здесь, ничего не делая? — возмутился Цао. Остальные промолчали. Цао продолжил:

— Сейчас линия фронта тянется от аэродрома до Ляншана. Противник находится у моста Кзыл Корук. Вечером следует отправить 100 солдат атаковать Кзыл Корук и тем временем перебросить первый батальон в Ляншан. Остальные будут рыть оборонительные траншеи,— начальник штаба развернул перед офицерами карту. Никто не возразил ему.

Цао заговорил снова:

— Они уже успели наладить выпуск газеты,— он показал газету.— Вот переводы. Обратите внимание на этот. Они написали: «Восстаньте, все мусульмане!» — и еще: «Мы боремся не против китайского народа, а против гоминьдановского правительства...»

Начальник штаба разозлился:

— У нас 300 солдат из местных. Они хоть и давно на службе, но призыв о восстании всех мусульман опасен... Часть из них следует использовать для охраны штаба, другую — для охраны казарм. Надо держать их в тылу и ни в коем случае не выпускать на передовую. Если лозунг «Китайский народ нам не враг» дойдет до солдат, то нам придется туго...

В крепость Чонкуре, где укрылись значительные силы гоминьдановцев, мы направили с бывшим начальником полиции Суйдуна ультиматум с требованием о капитуляции. Основная часть гарнизона сдалась без боя 5 декабря. Около 200 солдат не пожелали сдаться и бежали, но вскоре были выловлены с помощью местного населения.

17 декабря в 11 часов дня из крепостных ворот Айранбага вышел человек с белым флагом. Мы прекратили огонь. Он еле держался на ногах, чалма на голове грязная. Наконец он дошел до наших позиций. Это был известный в городе мусульманин. Разведчики повезли его в штаб.

Парламентер, сообщив, что его обязали через два дня вернуться в Айранбаг с ответом, умолял разрешить ему остаться у нас. Начальник штаба разъяснил ему, что если он не вернется, то погибнут безвинные заложники — старики, дети и старухи. Старику вручили наш ультиматум, подписанный председателем временного правительства, с предложением сдаться.

Вечером на линии фронта все шло как обычно. В газетах напечатано много объявлений. В колонке «События на фронте» сообщалось: «60-летний старик в Ляншане перешел линию фронта и доставил похищенный у врага пулемет „максим“»; «Из 18 сброшенных врагами парашютистов 11 захвачены нашими людьми»; «В Кенсае погиб наш командир Гариф-абзи...»

19 декабря враг начал вести интенсивный огонь, а вечером беспрестанно запускать осветительные ракеты. Пули долетали даже до нашего штаба. Байчурин пришел просить подкрепления, чтобы атаковать врага.

20 декабря наши войска укрепили оборонительные сооружения на своих позициях. В этот же день состоялось второе расширенное заседание правительства, на котором с докладом о политическом положении выступил Ахмеджан Касими. Он критиковал наметившиеся у некоторых руководителей нездоровые тенденции:

— Все наши враги выступают против нас и нашей революции. Кто вредит делу революции — наш враг, кто идет с нами — наш друг. Разве правильно людей другой, немусульманской веры считать врагами? Нет! Все участвующие в революции, независимо от того, какую религию они исповедуют, — наши настоящие друзья.

Китайский народ тоже борется против гоминьдановцев. В Центральном Китае идут кровопролитные бои, и лозунг «уничтожение гоминьдановской власти» нельзя считать призывом к борьбе против китайского народа. Некоторые предлагают назвать наше государство мусульманским, это глубоко ошибочно и вредно. Ведь с нами живут друзья иного вероисповедания. Не жалея сил, они вместе с нами сражаются против гоминьдановцев. Мы не должны вносить раздоры в наши ряды, а должны сообща, дружно уничтожать общего врага.

Наступил 1945 год. Морозы усилились. Крестьяне говорили: «Правы старики — зима сурова, когда проливается кровь». Выпал большой снег.

За последнее время мы добились значительных успехов, но положение молодой республики все же было тревожным. Гоминьдановское командование разработало план наступления на Кульджу через горные перевалы Аксай (на Боротале), Талки (в Кенсайском ущелье), Ачал (с севера от Кульджи), Дашигур (западнее Талки) и Музарт (на юг от Кульджи, со стороны Аксу).

Получив радиограмму о готовящемся наступлении гоминьдановцев, айранбагское командование решило держаться до последнего солдата и распустило слух о том, что из Урумчи высылается воздушный десант на 100 самолетах, надеясь поднять этим боевой дух гоминьдановцев и запугать повстанцев и население.

Вражеские солдаты уже не решались делать вылазки за продуктами, потому что их тут же уничтожали повстанцы и жители. Нечем стало кормить лошадей, они обгладывали деревья и жевали хвосты и гривы друг у друга. Пришлось их забить.

Из Ляншана почти все жители ушли. Дома здесь превратились в опорные точки, нам приходилось драться за каждый дом, за каждый двор. Случалось так, что полуразрушенные стены домов служили линией фронта, одну комнату занимали мы, другую — гоминьдановцы. Приземистые, лепившиеся один к одному домишки были охвачены огнем.

Мы пока не предпринимали в городе решительных действий, и гоминьдановцы объясняли это тем, что мы выбились из сил. Нужно было ожидать их атаки, а она должна была бы начаться одновременно с какими-то решительными действиями на перевалах; скорее всего,

на более доступном Ачале, потому что самый удобный путь — через Талки и Кенсайское ущелье — плотно закрыт отрядами повстанцев, ведущими ожесточенные бои с подошедшими гоминьдановцами. Партизаны устроили завалы на дорогах, разобрали мосты, так что вражеские автомашины и танки не могли пройти, а легко одетые и не привыкшие к морозам гоминьдановские солдаты обмораживали руки, ноги, лица, многие погибали от холода. Казалось, сама природа здесь помогала нам. У перевала Ачал мы устроили немногочисленные засады. Основные силы были сосредоточены в Кульдже, мы готовились к решающему сражению.

План Исхакбека

13 января 1945 г. гоминьдановцы, напрягая все силы, вышли из укрытий и устремились в атаку. С воем рвались снаряды, оставляя глубокие воронки и подымая столбы пыли, смешанной со снегом, без умолку хлопали выстрелы. Повстанцы и не думали отступать, они притаились среди полуразрушенных жилых построек и в открытых окопах. Вражеские снаряды рвались где-то сзади и ощутимых потерь нам не приносили. Гоминьдановцы продвигались среди могил кладбища на западной стороне Айранбага и беспрерывно стреляли. Когда они приблизились к нашим позициям примерно на 50 метров, мы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь и забросали их гранатами. Противник понес большие потери и стал отступать. Мы бросились преследовать бегущих, но дальше вражеских исходных позиций нам не удалось продвинуться: солдаты второго эшелона встретили нас ураганным огнем. Мы вернулись на свои позиции.

Было ясно, что хитрый и коварный враг может повторить атаку в более подходящий для этого момент. Поэтому нельзя было упускать инициативу из рук. Пришло время нанести гоминьдановцам ответный удар. Наиболее уязвимое место у них было с западной стороны Айранбага — в районе Алтунлука. Там находилось кладбище, и можно было незаметно проскользнуть среди могил. Но чтобы добраться до крепостной стены, предстояло преодолеть ряды вражеских траншей на

совершенно открытой местности, здесь по атакующим можно было вести губительный огонь. Успех могли принести только смелые, ловкие, быстрые и решительные действия. Мы перебрали все наши отряды, определяя их боеспособность, чтобы решить, какой из них поставить в авангарде. Выбор пал на третий отряд. Когда я зашел на командный пункт отряда, его командир Исхакбек Мунинов наносил красным карандашом стрелки на увеличенной карте Айранбага — намечал план боевых действий. Увидев меня, Исхакбек улыбнулся.

— Как ты думаешь, если атаковать вот отсюда? — он указал на красную стрелку в районе Алтунлука. — А если произвести налеты на Ляншан с юга и востока и на Айранбаг с востока и в случае слабого сопротивления противника усилить нажим и заставить его отвлечь туда больше сил? А через полчаса начать наступление из Алтунлука?

Исхакбек взвешивал каждое слово, говорил спокойно, не торопясь и как будто равнодушно, но глаза его возбужденно блестели.

— Оборона у них сильная. Ты это знаешь. Если не удастся сразу продвинуться, то, возможно, придется отойти на исходные позиции. Продолжительная атака нам невыгодна. Но, с другой стороны, если учесть все обстоятельства, то можно ожидать, что гоминьдановцы начнут атаку. Через перевал Талки врагу сейчас путь закрыт, но опасна для нас ачалская группа перевалов: Ачал, Когарчин и Кокчока. По полученным сведениям, генерал Шэ Пин готовится к переходу через них. Поэтому нам следует если не взять Айранбаг, то по крайней мере измотать засевших там гоминьдановцев. Если часть наших сил придется оттянуть к Ачалу, враг не должен об этом знать.

Открылась дверь, и, обернувшись, мы увидели входящих Ахмеджана Касими и Аббасова. Они стали рассматривать карту.

— Это правильно: Айранбаг — голова вражеского туловища,— негромко сказал Касими.— Если раздавить голову, то руки и ноги парализуются.

— Садитесь. Есть новости,— пригласил Исхакбек. Мы расселись вокруг стола.— Сейчас из Когарчина прискакали два всадника. Они сообщили, что у перевала появился враг. Гоминьдановские разведчики 14 апреля

случайно наткнулись на партизан. Завязалась перестрелка. Вражеские разведчики попытались спастись бегством, но были перестреляны. Наверное, их послали для связи в Айранбаг. Один из убитых — командир отделения, у него в кармане нашли записную книжку с такой записью: «Господин генерал! Войска под командованием Шэ Пина перешли Когарчинский перевал 12 января 1945 г. и продвигаются дальше для совместных действий по уничтожению повстанцев». В горах был сильный туман, и партизаны не могут сказать точно, все ли вражеские разведчики перебиты. У перевалов пока спокойно, но завтра или послезавтра там могут появиться основные силы гоминьдановцев.

— Исхакбек прав, — подтвердил Ахмеджан. — Враг хитер. Он хочет расчленить наши силы, отвлечь внимание к Кенсайскому перевалу и в удобный момент, нащупав слабое место в нашей обороне, начнет наступать. А гоминьдановцы, находящиеся в Айранбаге, узнав о подходящем подкреплении, могут тоже обрушиться на нас. Их вылазка 13 января подтверждает это. Может быть, нам следует ударить первыми по врагу, иначе он опередит нас. Нужно решать — сами ли мы начнем атаку или приготовимся к обороне.

Исхакбек побарабанил пальцами по столу.

— Есть два варианта для врага: первый — атаковать город из Айранбага, второй — разбив кольцо блокады, идти на соединение со спешащими на помощь частями. Второе возможно, если части Шэ Пина перейдут Когарчинский перевал. В противном случае вторая возможность отпадает. По-моему, нам нужно быть готовыми и к атаке, и к обороне. Если гоминьдановцы начнут атаку первыми, мы должны всеми силами ответить врагу, нанести ему непоправимый урон и по возможности занять некоторые его позиции. А после этого часть войск можно будет направить к Ачалу. Среди населения распространяются слухи, что на город будет сброшен десятитысячный вражеский десант, что лучше бы заключить перемирие с гоминьдановцами или уйти в горы. Это приведет только к гибели жителей. Если бы гоминьдановцы действительно собирались сбросить десант, то слухи об этом не распространялись бы так усиленно, скорее всего, это держалось бы в секрете и мы бы ничего не знали о десанте. Гоминьдановцы могли сильнее

напугать население слухами о намерении генерала Шэ Пина перейти через перевалы, но они этого не сделали именно потому, что хотят это намерение осуществить.

— Мне бы хотелось кое-что уточнить. Партизаны, приехавшие с Когарчинского перевала, ни о чем, кроме записки, не сообщили? — спросил у Исхакбека подошедший во время разговора начальник партизанского отряда Мавлен.

— А что бы вы хотели узнать?

— Меня интересует, как были одеты гоминьдановцы, были ли у них с собой продукты питания.

— У всех троих на шее на веревочке было привязано по замерзшей лепешке. Ноги обуты в хэй* и обвязаны обмотками. У одного на голове кожаная ушанка, у двоих — ватные, все трое одеты в серые стеганки.

Мы посмотрели друг на друга. Выходит, враг выступил из Такианцзы 12 января и лишь через два дня был у Когарчинского перевала. Однако это расстояние нетрудно пройти за сутки, задержку можно объяснить лишь глубоким снегом и морозом в горах. У солдат не было хорошей теплой одежды и обуви, обогреться негде, да и с питанием, очевидно, дело обстоит неважно. Враг, наверное, не знает здешних климатических условий. Поэтому надо дать ему возможность войти в горы, а потом перекрыть дороги, и тогда суровая природа покарает его.

Первым нарушил молчание Исхакбек:

— У врага более современное оружие, мы же находимся в более выгодном положении. Поэтому особенно большой опасности для нас нет. Вот смотрите,— он указал карандашом на карте Когарчинский и Ачалский перевалы.— Расстояние между ними не более 30 километров. А западнее — Карчинский перевал. Он приблизительно в километре от Когарчина. Здесь сейчас находится 25 партизан. Если враг пройдет эти перевалы, то спустится в Герсай, девятикилометровое ущелье между высокими горами. В конце его берет начало ручей, по течению которого тоже тянется ущелье. Мы считали наиболее опасным Ачал и направили туда 70 партизан. Но теперь гораздо опаснее стал Когарчинский перевал. Враг мог подойти к Ачалу и не из Такианцзы, а из

---

* Хэй — мягкая тряпичная обувь наподобие тапочек. — *Ред.*

Цзиньхо, нам пришлось направить разведку и туда, чтобы своевременно узнать о передвижениях противника. На перевале Кокчока мы оставили в засаде небольшой партизанский отряд с пятью снайперами. Если бы им дать еще и пулемет, то за этот перевал можно было бы не беспокоиться.

Карандаш Исхакбека быстро скользил по карте, нанося то стрелки, то кружочки. Так рождался план предстоящих сражений.

— Я согласен с этим планом, но, по-моему, совсем упускать из вида перевал Ачал нельзя,— сказал Касими.— Может случиться и так, что враг отвлечет наши силы на Когарчин, а сам предпримет попытку перебраться через Ачал. При составлении плана операции необходимо учитывать все возможные ситуации, иначе враг может воспользоваться нашими просчетами и нанести нам серьезный урон. Хорошо, если противник двинется по предполагаемому нами маршруту, тогда он попадет в нашу ловушку. А если выберет другой путь? Но в то же время держать боевые отряды повсюду мы не в состоянии. Поэтому надо добиваться большей их подвижности, маневренности. Если враг пойдет через оба перевала, надо дать ему возможность перейти Когарчин, спуститься в нашу ловушку и здесь уничтожить его. А потом все силы бросить на Ачал, запустить гоминьдановцев в ущелье и там перебить их. Все это Исхакбек пусть получше обдумает с другими товарищами. А теперь обратим внимание на Айранбаг. Это очень важный участок. Самое опасное для нас — если гоминьдановцы, засевшие здесь, смогут соединиться с подошедшими войсками. Нам необходимо организовать народ в городе и мобилизовать население окрестных сел на борьбу с гоминьдановцами. Людям надо сказать правду о сложившейся обстановке и всех, имеющих лошадей, вооружить и научить вести бой. Если мы хорошо организуем народ, хорошо подготовим его к бою, то сумеем отразить врага. Партизан надо обеспечить продуктами, а их лошадей — кормом. Товарищ Исхакбек правильно думает об Айранбаге: если не сегодня, то завтра враг может начать атаку. Мы должны по всей линии фронта подготовиться и к обороне, и к наступлению. Лучше, если враг начнет первым. Тогда мы его не только остановим, но и обратим в бегство и сможем захва-

тить Ляншан, Байкол и, если позволят обстоятельства, айранбагскую крепость. Как бы то ни было, но надо нанести поражение противнику. Тогда он не станет ждать помощи, а постарается прорвать кольцо, значит, опасность для города уменьшится. Но гоминьдановцы боятся сражаться на открытой местности — в Нилки они получили хороший урок. Это надо учесть, и поэтому можно рассчитывать на то, что если даже гоминьдановцы перейдут Когарчин и спустятся на равнину, то они не смогут достичь Айранбага: их задержат партизаны,— закончил Ахмеджан.

Мы решили отправиться к линии фронта, чтобы поговорить с командирами отрядов о подготовке к предстоящему бою. А после обеда, в 2 часа дня, надо было снова собраться на командном пункте.

Из 7 тысяч человек, которые должны участвовать в атаке аэродрома, Айранбага и Ляншана, мы могли вооружить только 1200. Хотя мы и захватили у гоминьдановцев две зенитки и одиннадцать минометов, но снарядов к ним было очень мало. Оружия не хватало. На каждого вооруженного бойца приходилось до десяти человек с пиками и лопатами.

В 2 часа дня во всех партизанских и повстанческих отрядах начались собрания, посвященные подготовке к предстоящему сражению.

Мы же, как и договорились, собрались на командном пункте. Каждый отчитался о проделанной работе, потом обсудили вновь возникшие вопросы. Исхакбек приказал первому отряду двинуться к Когарчинскому перевалу.

Сражение у Айранбага. Ризвангуль

Враг в Айранбаге затих. Но мы знали цену этому затишью. Он хотел усыпить нашу бдительность, а затем неожиданно атаковать. Самым значительным пока что был бой 13 января. Предстоящее сражение должно быть более ожесточенным.

Из Урумчи прилетели два самолета, сбросили бомбы и начали обстреливать город из пулеметов.

Вместе с Исхакбеком мы пошли на участок, где ожи-

дался наиболее сильный удар гоминьдановцев. Третий отряд уже приготовился к встрече врага. Бойцы из окопов и блиндажей внимательно наблюдали за противником. Они ничем не отличались от ополченцев. Да и командиры от бойцов тоже ничем не отличались. Лишь у некоторых были планшеты, отобранные у гоминьдановцев, да офицерские ремни. Таких командиров можно было определить издали.

Командир третьего отряда доложил Исхакбеку о полной боевой готовности. Исхакбек, кивком головы указав на самолет, спросил:

— Ну как? Не страшно?

— Нет. А что тут страшного? Их пули попадают только в стены, а бомбы падают далеко. Бывает, что они попадают даже в Айранбаг. Не могут точно целиться,— смеясь, ответил командир.

— А где Давут? — поинтересовался я.

— Ушел в город,— последовал ответ.— Обстановка тревожная, а он отправился в город.

Над Айранбагом взвилась зеленая ракета. На Ляншане и аэродроме этого сигнала как будто ждали — выстрелили синими ракетами. Вслед за ними над крепостью появилась красная ракета. И заработали минометы, пулеметы, зенитные орудия врага.

Так в 4 часа дня начался бой. Из блиндажа выскочила Ризвангуль, в белом полушубке, перетянутом ремнем, с санитарной сумкой на боку. Кто не знал ее, думал: «Какой красивый юноша!» Бойцы в шутку называли ее мужским именем Розахун. По всей линии фронта говорили о ней: «Отважная девушка Ризвангуль». Даже партизаны на перевалах Ачал и Музарт слышали о ней и писали ей письма. Ризвангуль со своими товарищами вынесла с поля боя 12 тяжело раненных бойцов. Сейчас они выздоровели и находились с ней в одном отряде. Всех трогала их забота и любовь к Ризвангуль. Каждый из них говорил: «Меня бы не было в живых, если бы не Ризвангуль». В газетах печатались очерки о подвигах этой девушки.

Ей было восемнадцать лет. В первый же день революции Ризвангуль явилась в штаб и заявила: «Хочу стать бойцом!» — «Тебе здесь нечего делать,— ответили ей.— Мужчины и то не справляются с этим делом, а ты куда лезешь? Что ты, например, умеешь делать? Иди-

ка лучше домой».— «Ну и что же, что я девушка? — рассердилась она.— Разве женщины не способны сделать что-нибудь полезное? Вы слышали, что делают советские женщины и девушки? Или вы хотите, чтобы женщины продолжали оставаться лишь рабынями в семье? Вы не имеете права меня не принимать!» — от обиды она чуть не заплакала.

Набиев и я добились согласия зачислить девушку в отряд. А на следующий день пришло еще шесть девушек. Со временем я достал для девушек полушубки, шапки-ушанки, санитарные сумки. Теперь в каждом отряде были медицинские сестры.

Увидев нас, Ризвангуль отдала честь и, чуть смущаясь, улыбнулась, поправила ремень от сумки на плече. Исхакбек пожал ей руку:

— Ну как, моя смелая дочь?

Из блиндажа выскочили еще несколько девушек: Махинур, Зинат, Разия и др. Все вместе они спрыгнули в окопы и скрылись из виду.

Разговаривать теперь приходилось только крича из-за грохота взрывов. У моста Кзыл Корук послышалось раскатистое «Ура-а-а!» Оказалось, что к воротам айранбагской крепости двигался танк. Что за чудеса? У нас ведь не было танков...

Около меня посыпалась земля. Обернулся: рядом стоял Давут. Я собрался было пристыдить его за легкомыслие, но он показал на танк и прокричал:

— Мы, механики и рабочие, за десять дней сделали этот танк из старого трактора!

Подошел Исхакбек, крепко обнял Давута, расцеловал.

— Вы сделали хорошее дело. Но ты — командир и должен строго соблюдать дисциплину. Надо было спросить разрешения. Для такого важного дела тебя бы отпустили...— начал я свое.

Давут, оправдываясь, ответил:

— Мы хотели сделать это тайком, а потом удивить всех...

— Молодцы! — не сдержался я, похлопал его по плечу.

Обрадованный, Давут побежал к своим бойцам, перебираясь из окопа в окоп.

Противник вел интенсивный огонь уже более получа-

Медицинские сестры. Во втором ряду в середине — Ризвангуль

са, но еще не думал атаковать, а мы ждали и даже еще не начинали ответного огня, если не считать редких выстрелов с нашей стороны. За два месяца враг хорошо изучил наши огневые позиции. Но на этот раз мы сменили их, чтобы нанести врагу неожиданный огневой удар.

В Ляншане, Байколе и на аэродроме стрельба стала утихать. В 5 часов вечера в расположении врага было закончено какое-то движение. Гоминьдановцы выбирались из блиндажей и траншей. На наших позициях царила тишина. Исхакбек ушел в Алтунлук. Ко мне подполз Давут. Гоминьдановцы под прикрытием артиллерийского огня начали наступление. Вся линия нашей обороны ждала команды открыть огонь. Враг уже очень близко, в некоторых местах не далее чем в 30 метрах от нас.

— Начнем? — спросил Давут.

В это время с нашей стороны взвились в воздух две ракеты. Мы открыли огонь изо всех огневых средств. На-

чался кровопролитный бой. Вскоре артиллерия с обеих сторон замолчала, потому что солдаты и повстанцы сошлись почти вплотную.

У Ляншаня и Байколя рвались гранаты. С грохотом рушились дома, слышны были стоны раненых. Вдруг послышалось «Ура!» и гоминьдановцы начали отходить.

Контратакой в Ляншане повстанцы отбили у врага 12 огневых позиций, в Байколе — 5. Гоминьдановцы здесь уже думали лишь о спасении своих жизней. Ко мне подбежал связной и вручил пакет. Прикрыв фонарик полой полушубка, я прочел распоряжение Исхакбека: «Сражение в Ляншане и Байколе прекратить. Закрепиться на захваченных позициях и подготовиться к возможной атаке врага. Седьмому отряду перебраться ко мне».

— Сообщите: будет исполнено,— сказал я связному.

Наш танк перед казармами перешел мост и вел обстрел противника. Он был со всех сторон обит войлоком и стальными листами, поэтому пули не пробивали его.

В Алтунлуке бой завязался среди могил. Гоминьдановцы, атаковавшие Алтунлук, были в 50 метрах от наших бойцов. Над могилами взвились три красные ракеты, наши бойцы бросились в контратаку. Нам удалось окружить гоминьдановцев, но покончить с ними мешал дзот, находившийся на господствующей точке местности. Группа бойцов получила задание взорвать этот дзот. Один из повстанцев пополз к дзоту, но на полпути был сражен вражеской пулей.

— Я пойду!

— Я...

— Я...

Еще несколько бойцов поползли под прикрытием пулемета вперед...

Часть третьего отряда во главе с Давутом была направлена на помощь одной нашей группе, попавшей в окружение. Бойцы уже были в 50 метрах от крепости. Темноту разрывали выстрелы со стороны могил. Бывало, что бойцов, перебегавших через кладбище, гоминьдановцы хватали за ноги, чтобы стащить в могильные ямы. Бойцы забрасывали врага гранатами, а затем прыгали в эти ямы, и схватка продолжалась там...

Отступившие из Ляншана в Айранбаг гоминьданов-

цы установили в амбразурах дзотов семь пулеметов и беспрерывно обстреливали наши позиции. Мы не могли поднять головы.

Группа Давута выручила своих. Бойцы его захватили начало подземного хода в Айранбаг. Много было пролито крови за этот ход...

В районе аэродрома перестрелка стихла.

Группе, которой было поручено взорвать дзот, стало еще труднее выполнить задание. Противник уже не ограничивался беспрерывным пулеметным огнем, гоминьдановцы начали время от времени бросать на всякий случай вокруг дзота гранаты. Еще трое наших бойцов погибли.

Спустились сумерки. Стрельба затихла. Лишь Ризвангуль и ее подруги по-прежнему перетаскивали раненых. Ризвангуль только что привела раненого бойца-казаха и отправила в госпиталь. Она внимательно приглядела к группе, которая была у дзота противника, и вдруг исчезла из виду. Раздался голос командира:

— Ризван, вернись!

Я обернулся и увидел, как командир втащил в окоп двух санитарок, устремившихся было вслед за Ризвангуль.

— Я ваш командир и запрещаю идти к дзоту!

Один боец без разрешения командира бросился за Ризвангуль. Их белые полушубки в сумерках были почти незаметны, а потом и вовсе не стали видны.

Минут через пятнадцать Ризвангуль притащила двух бойцов. Один был уже мертв, у другого перебита нога. Ризвангуль утешала его:

— Ничего страшного нет. Отправим в госпиталь, через месяц будешь здоров.

Боец потерял много крови, обессилел. Ризвангуль обратилась к командиру:

— Почему вы меня ограничиваете в действиях? Мы вот с ним,— она показала на бойца,— хотели взорвать дзот.

— Ваш долг ухаживать за ранеными. А если вам так хочется взорвать дзот, то впереди их у нас еще много. Действовать надо не только храбростью, но и уменьем, ловкостью, хитростью. А иначе... видите, какие чудесные ребята гибнут.

Снова началась перестрелка. Враг решил прорвать

кольцо окружения и выйти к своим. Свистели пули, рвались гранаты. Окруженные третьим отрядом гоминьдановцы бросились в рукопашный бой. Все смешалось в схватке. Ризвангуль оказалась здесь же. Она пристроилась с автоматом за бугорком и открыла огонь. Но, увидев, что справа от нее вскочил и сразу же упал боец, бросилась к нему. Здесь ее настигла вражеская пуля. Превозмогая боль, она подползла к бойцу и потащила его. Но силы покидали ее. Ризвангуль отдышалась немного и снова поползла, но была ранена еще раз...

Часть гоминьдановцев вырвалась из окружения и бросилась бежать в казармы. Отряд преследовал их. К 11 часам ночи мы продвинулись до самой крепости. Длившийся шесть часов бой закончился. Мы заняли господствующую высоту около крепости. Днем отсюда было видно все вокруг как на ладони. И в Алтунлуке мы захватили господствующий над местностью дзот и установили на нем два пулемета.

В закончившемся бою мы изрядно потрепали врага, нанесли ему урон гораздо больший, нежели в прежних боях, отбили у него 20 огневых позиций. Гоминьдановцы потеряли 200 солдат, мы не досчитались 80 бойцов.

Бои у перевалов

В горах уже давно шел снег, мела метель. Вершины были окутаны густым туманом. Стало известно, что гоминьдановцы появились в уездах Арасан и Боротала. Туда были направлены партизанские отряды Гани и Нури. Перевалив через невысокую гору Аксай, партизаны спустились в Арасан и внезапно напали на гоминьдановцев. Бой был выигран, партизаны уничтожили 395 солдат противника, захватили 8 пулеметов, 290 винтовок и 4 автомата. Не теряя времени, партизны двинулись к укреплению Букиамбала и уничтожили здесь еще 75 гоминьдановцев. В этом бою Гани был ранен, его пришлось отправить в госпиталь.

15 января 1945 г. Исхакбек приказал командирам партизанских отрядов Мавлену и Ногайбаю выступить к перевалу Когарчин. Находившиеся там 25 партизан не могли бы сдержать продвижение крупных гоминьдановских соединений, хорошо вооруженных, имевших много

орудий и минометов. Противник мог перейти с северных склонов гор на южные и спуститься в Илийскую равнину. У партизан было кроме винтовок и автоматов лишь три ручных пулемета и один миномет. Но партизаны отлично знали местность. Они неожиданно появлялись, наносили гоминьдановцам ощутимые потери и быстро исчезали. Гоминьдановцы, не видя из-за тумана, что происходит в 50 метрах, открыли беспорядочный огонь, мины и снаряды рвались в горах, оглашая их грохотом, вздымая в воздух груды снега. Беспрестанные налеты партизан не давали гоминьдановцам возможности продвигаться. Пятый день шли стычки, пятый день партизаны не знали отдыха. Но все понимали, что надо выдержать еще день, до подхода обещанных подкреплений, не дать врагу спуститься на равнину.

Мавлен и Ногайбай расположили основные силы, в том числе и конный отряд, в засадах, в конце и начале ущелья Герсай, куда должен был прийти противник. Люди были тепло одеты и хорошо подготовлены к бою. С ними остался Мавлен для руководства всей операцией. А Ногайбай вернулся к партизанам, сражавшимся с гоминьдановцами. Он привел с собой 20 человек.

Когда он добрался до партизан, затихла перестрелка после очередной стычки с гоминьдановцами. Шел густой снег. Партизаны совершенно выбились из сил, и прибытие незначительного отряда во главе с Ногайбаем вызвало у них недоумение: «Неужели у нас так мало сил? Что мы можем сделать против такого сильного врага?» Ногайбай старался приободрить их:

— Вы молодцы. Пять суток сражались с превосходящими силами. Задержали врага. Ваш героизм добьет его. Вы подумайте только: сколько дней враги вынуждены круглые сутки торчать на сорокаградусном морозе, не спать да еще нести потери от ваших налетов. А ведь у них и численный перевес, и орудий много... Гоминьдановцы уже так перемерзли, что и стрелять-то толком не могут.

Собрались вызванные Ногайбаем командиры всех партизанских групп в горах. Он ознакомил их с обстановкой, разъяснил план предстоящего боя, разработанный Исхакбеком. Командиры отлично поняли, что и как надо сделать, и разошлись по своим группам. Уставший отряд тоже получил задание:

— Вы должны незаметно перебраться за Когарчинский перевал, во вражеский тыл, и ждать там гоминьдановский транспортный караван, который нужно захватить. Расставьте караулы и отдыхайте. Если врагу будет послано подкрепление, не пропускайте. Не выпускайте врага, если побежит, и отсюда, старайтесь задержать, уничтожайте его...

Недовольство уставших партизан прошло, и они отправились в путь.

Ногайбай со своей группой вернулся к отряду, расположенному у входа в партизанскую ловушку. Гоминьдановцы заметили, что интенсивность партизанского огня резко упала. Решив, очевидно, что у партизан кончились боеприпасы, они двинулись вперед. Не встретив никакого сопротивления, гоминьдановцы пошли дальше, изредка стреляя наобум.

В горах становилось все темнее. Туман начал спускаться ниже, снегопад прекратился, мороз усилился. Примерно за 200 метров до партизанской ловушки гоминьдановцы остановились. Наши не понимали, что произошло, ждали. Гоминьдановцы начали разводить костры. Туман спустился в ущелье, и луна осветила вершины гор. А партизаны, съежившись от холода, лежали на снегу. Нельзя было не только разводить костры, но и курить, нельзя было ничем выдать свое присутствие. Если неосторожно передвинешься, снег осыплется и гоминьдановцы могут обнаружить засаду.

В таком напряженном ожидании надо было пробыть несколько часов. Появлялась мысль: не лучше ли неожиданно напасть на врага, чем так утомительно неподвижно ждать?

Гоминьдановцы хорошо вооружены, у них есть артиллерия, их много... Разгромить врага можно, только поймав в приготовленную ловушку, а для этого надо ждать, когда он войдет туда.

Снег под бойцами подтаивал от тепла тела, полушубки намокали. А неприятельские костры ярко светились в ущелье и в одном, и в другом, и в третьем месте. Хорошо было видно солдат, гревшихся у костров, ходивших между ними. Пулеметчикам нашим не терпелось дать несколько очередей по хорошо видным движущимся целям. Пальцы то и дело тянулись к спускам пулеметов. Но надо было ждать...

Ущелье Герсай сжато высокими горами. Партизаны отряда Мавлена расположились недалеко от выхода из ущелья. Расставив часовых, они отдыхали в пещере и слушали командира, разъяснявшего цель предстоящего боя. Отряду Мавлена предстояло, пропустив мимо вражеских разведчиков, нанести с фронта удар по основным силам гоминьдановцев и остановить их. Отряд же Ногайбая в это время нападет на вражескую колонну с тыла.

Начало светать. Гоминьдановский горнист заиграл сбор. Звук горна заполнил ущелье. Костры затушили. Гоминьдановцы двинулись дальше, но теперь уже в ином, чем вчера, порядке. Впереди шли 10 солдат, метрах в 50 за ними — 30 и метрах в 100 от этих — еще сотни полторы солдат. Укрывшись за камнями, партизаны видели сгорбленные от холода фигуры гоминьдановцев, их сморщенные лица. Винтовки они держали под мышкой, а руки засунули в карманы или в рукава.

Партизанам тоже было нелегко переносить в эту ночь сильный мороз. Какой бы теплой одежда ни была, а все-таки пришлось пролежать в снегу около 8 часов, не шевелясь, без огня и курева.

Гоминьдановские разведчики шли вдоль ущелья среди молоденьких елей, растущих у большого валуна, некогда скатившегося сверху, теперь покрытого сверкающим при лунном свете снегом. Время от времени они сходились, потом снова расходились. Солдаты втянулись уже метров на 300 в глубь нашего расположения, не замечая хорошо замаскированных партизан. Ясно слышны были голоса вражеских солдат, скрип снега под ногами. Их легко можно уничтожить или захватить в плен, но еще рано. Передовые группы врага шли все дальше и дальше, оставляя следы на свежем снегу. Внимательно смотрели солдаты по сторонам, ища следы партизан. В одном месте они разгребли ногами свежий снег и обнаружили под ним конский помет. Посовещавшись, они заключили, что партизаны бежали отсюда. Но все же на горы смотрели с опаской. Отпустив разведчиков примерно метров на 800 вперед, Шэ Пин повел основные силы. Они шли несколькими отрядами, общаясь между собой при помощи сигнальных флажков. Видимо, передние передавали следующим, что путь свободен, партизан нет.

Партизаны пропустили мимо себя даже лошадей с навьюченными пулеметами — таков был приказ командира. Основную силу составляла колонна в 600 солдат, растянувшаяся в длинную цепочку в хвосте вражеских отрядов. Она уже приближалась к засаде. Партизаны ждали команды, и она поступила. 250 бойцов, до сих пор лежавших неподвижно, открыли яростный огонь из пулеметов, автоматов и винтовок. Пока гоминьдановцы сообразили, что их атакуют, половина их колонны осталась навечно лежать в ущелье. Ошалелый от страха враг метался из стороны в сторону, ища спасения, но везде настигали его меткие партизанские пули. В тылу противника с криком «Ура!» появилась наша кавалерийская группа. Основная вражеская колонна была уничтожена, несколько десятков солдат сдались в плен.

Хвост армии генерала Шэ Пина был отсечен, но враг не остановился. Началась ожесточенная битва в Герсае. С фронта гоминьдановцев атаковали бойцы Мавлена, а с тыла — партизаны Ногайбая. Гоминьдановцы неправильно оценивали сложившуюся обстановку. Они до сих пор были уверены, что в горах ведут бои незначительные силы партизан. Поэтому генерал Шэ Пин, перешагивая через трупы своих солдат, упорно, не останавливаясь, продвигался вперед, не придавая значения вспыхивавшим впереди и сзади перестрелкам. Его основные силы подошли к последней партизанской засаде. С тыла за ними шли партизаны Ногайбая, разгромившие и уничтожившие арьергард противника.

Уже совсем рассвело, и с гор стали видны прилегающие села. Но гоминьдановцы не знали, что в селах уже несколько дней шли приготовления к их встрече. Жители бесперебойно снабжали партизан водой и пищей. Все население, способное носить оружие, было готово по первому зову идти на врага. Даже старики, одевшись потеплее, ожидали приказа к действиям. Издали скопление ополченцев выглядело весьма внушительно. Враг был встревожен. Вражеские передовые группы, пропущенные мимо засад, продолжали, простреливая местность, двигаться вперед. Они уже подошли к селам Чжелиюз и Турпанъюз.

Из всей колонны осталась только группировка во главе с самим Шэ Пином, окруженная в ущелье. Гоминьдановцы заняли круговую оборону и отстреливались.

Пули партизан почти не достигали цели, потому что противник укрылся за большими каменными выступами. Но командиры партизан по результатам допросов пленных и по поведению окруженных видели, что Шэ Пин уже не помышляет о продвижении вперед, а думает лишь о том, как выбраться из ловушки. Пленные показали, что генералу изменила его обычная выдержка, что он громко рыдал у тела убитого своего близкого друга, командира роты Шао, что, увидев издали несколько тысяч ополченцев на лошадях, он принял их за 10 тысяч бойцов и впал в отчаяние. А всего два дня тому назад этот человек, обнаружив отсутствие партизан на перевале, самоуверенно сообщил своему командованию об успехе операции. И командование для развития успеха перекинуло из Кенсая две роты — до 300 человек — под командованием Хо Тан-чжана к перевалу Кокчоке. Здесь 19 января началось сражение.

В этот же день партизаны открыли Шэ Пину путь назад, в горы, устроив там засаду. Шэ Пин с ожесточением устремился в новый капкан. Здесь он потерял еще 100 человек, но сумел пробиться к Когарчинскому перевалу. Отряду, охранявшему перевал, было приказано не пропускать Шэ Пина. 20 января партизаны нагнали гоминьдановцев у Когарчина, но на рассвете 21-го генералу с 57 солдатами удалось пробиться через перевал и скрыться в Цзиньхо.

После разгрома Шэ Пина партизанские отряды были брошены к Кокчоке и Ачалу. И здесь и там неожиданное появление крупных сил партизан сыграло решающую роль в разгроме гоминьдановских группировок. 22 января бои на перевалах закончились. Лишь еще одной малочисленной группе врагов удалось уйти в Цзиньхо.

Новое правительство ВТР. Окончание боев в Кульдже

Сражения у перевалов дали нам возможность значительно пополнить запасы вооружения и боеприпасов. Мы смогли обеспечить оружием еще 700 человек из отрядов, окружавших Айранбаг.

«...Из Урумчи выслана помощь, ждите» — такую радиограмму получили несколько дней назад гоминьдановцы, окруженные в Айранбаге. Они, как говорится, все глаза проглядели, пока 25 января не получили новую радиограмму: «Нет никакой возможности пробиться через перевалы. Держитесь, пока не растает снег. Будем помогать с воздуха...» Окруженные гоминьдановцы поняли, что на поддержку рассчитывать нечего и что скоро им придет конец.

Мы всячески старались заставить врага предпринять вылазку в город, для этого большие группы людей день и ночь делали вид, будто роют ходы сообщения, толпами переходили с одного места на другое. В отдельных местах партизаны с криками «Ура!» открывали огонь по противнику. Но гоминьдановцы на новую вылазку не решались, а эти действия их напугали еще больше.

В январе 1945 г. Временное правительство Восточно-Туркестанской Республики было реорганизовано. Новый состав Временного правительства под руководством Ахмеджана Касими разработал четкую программу действий, выраженную в декларации. Декларация была опубликована и вызвала у населения чувство удовлетворения, так как была более прогрессивной и конкретной, чем предыдущая. Новое правительство наметило следующие важнейшие задачи: искоренить в республике гоминьдановскую тиранию; создать государство на демократических основах, создать народную армию; установить равноправие национальностей; уважать религию; выбирать представителей от народа на руководящие и правительственные должности всех степеней; осуществлять на деле политику дружбы с Советским Союзом; развивать народное образование.

Государственным языком был объявлен уйгурский язык.

Характерно, что правительство ВТР еще раз подтвердило необходимость дружественных отношений с СССР, ибо видело, как и весь народ, в Советском Союзе верного защитника угнетенных.

27 января на заседании правительства было принято обращение к партизанам, в котором ставилась задача до конца января освободить от гоминьдановцев Ляншан, Айранбаг и аэродром. Военное командование в связи с этим разработало план действий, по которому

главный удар наносился сначала по Ляншану, затем по Айранбагу и потом по аэродрому. Каждый отряд получил конкретное задание.

Ляншан — восточная окраина Кульджи. От основной части города ее отделяет улица, идущая с юга на север от известкового базара до Кзыл-Корука (Красного моста). После Кзыл-Корука эта улица поворачивает на северо-восток и упирается в ворота айранбагской крепости. Юго-восточнее Ляншана проходит улица, соединяющая известковый базар с китайским базаром и ведущая к ляншанской табачной фабрике. По этим улицам и проходила линия фронта. Враг был близко: на одной стороне улицы — мы, на другой — он. Часто рвались гранаты, на перекрестках и во дворах завязывались рукопашные схватки.

Ночью 27 января мы сосредоточили основные силы у Ляншана, а утром начали интенсивную перестрелку в противоположной, западной части линии фронта. Гоминьдановцы, опасаясь нашей атаки, оттянули силы на западный участок. На Ляншане даже умолкли пулеметы. Тогда группа, находящаяся на табачной фабрике, получила приказ начинать. Примерно с 50-метрового расстояния наши минометы внезапно обстреляли и разрушили дзот противника. В ответ гоминьдановцы обстреляли табачную фабрику. На городских улицах засвистели пули. Одну огневую точку тут же забросал гранатами наш боец. Она замолчала, но через некоторое время еще яростнее начала вести обстрел. Двое бойцов снова сумели подобраться к ней и заставить ее замолчать. После короткой атаки дзот был взят, гоминьдановского пулеметчика удалось схватить живым, около него лежали пять человек убитых и двое раненых. Развивая успех, бойцы значительно продвинулись вперед. К 10 часам была занята сильно укрепленная огневая позиция.

Наши отряды по всей линии фронта в Ляншане пошли в атаку. Подразделение, действовавшее от известкового базара, сумело окружить гоминьдановскую группировку. Шел ожесточенный бой, наша санитарная часть работала без передышки. Гоминьдановцы не выдержали напора, и вскоре вся жилая часть Ляншана была в наших руках. Противник сосредоточился на ляншанском кладбище и в районе буддийской пагоды, будханы, как

ее называли кульджинцы. На ней и был теперь сосредоточен огонь наших минометов, подошел наш «танк».

Гоминьдановцы установили в пагоде и дзотах около нее несколько пулеметов и вели непрекращающийся огонь. Это мешало конным отрядам под командованием Давута подойти ближе. Но все же Давут упорно и настойчиво, пользуясь малейшими укрытиями, вел бойцов вперед. Наконец удалось установить пулемет на удобной позиции. Давут приказал нескольким бойцам взорвать дзоты, а сам с товарищами начал вести прикрывающий пулеметный и ружейно-автоматный огонь. Через некоторое время огневые точки гоминьдановцев замолчали, была захвачена и пагода. Уцелевшие гоминьдановцы, бросив раненых и убитых, бежали.

Ляншан был очищен от гоминьдановцев целиком. Линия фронта теперь на востоке от гоминьдановцев протянулась вдоль Байколя. Командование начало перегруппировку сил, концентрируя их вокруг айранбагской крепости. Отряды, занявшие Ляншан, получили кратковременную передышку. Предполагалось, что основное сражение произойдет в Айранбаге, и мы стянули сюда почти все силы, не зная о том, что гоминьдановцы перебрались на аэродром. Они оставили в крепости роту солдат и несколько пулеметов.

Вечером 29 января Айранбаг был взят. Мы перебросили силы в Алтунлук и к аэродрому, окружив их с трех сторон.

В ночь на 30 января все приготовления к предстоящей атаке были закончены. Шла перестрелка. Во второй половине ночи интенсивность огня гоминьдановцев заметно упала: было похоже, что они собираются уходить. Путь у них мог быть только один — в сторону Гангула, а затем через перевалы Когарчин и Ачал в Цзиньхо.

На рассвете по сигналу — три красные ракеты — мы ринулись с трех сторон в атаку на аэродром и быстро заняли его, при этом рота вражеских солдат сдалась в плен. Оказывается, они даже не знали, что основные силы гоминьдановцев ушли. Враг пожертвовал одной ротой, чтобы вывести остальные.

Отряд конных партизан устремился вслед отступающим гоминьдановцам. Участвовавшему в разгроме Шэ Пина отряду Мавлена было приказано устроить засаду на пути врага в ущелье Чапканъюта.

Гоминьдановцы упорно отстреливались от преследователей, время от времени сменяя батальоны прикрытия и сохраняя при этом порядок движения. Лишь когда наши минометчики нагнали врага, гоминьдановцы вынуждены были дать бой, после которого их отступление превратилось в беспорядочное бегство. Силы врага быстро таяли. В своей тряпичной обуви им было очень трудно идти в сильный мороз по глубокому снегу. Гоминьдановцы захватили с собой семьи. Многие женщины, дети и старики, обессилев, не могли двигаться дальше. Жестокие офицеры пристреливали отстававших, не щадя даже своих детей...

Когда вражеская колонна подошла к ущелью Чапканъюта, навстречу выступил отряд Мавлена. Среди врагов началась паника. Начальник колонны покончил с собой. Окруженные гоминьдановцы, лишившись руководства, сдались в плен. В колонне оказалось около 2 тысяч женщин и детей. Их мы немедленно отправили по домам и к родственникам, больных взяли на лечение. Мы освободили всех заложников, в качестве которых гоминьдановцы забирали женщин и детей, попавшихся им по пути и захваченных в селах, куда вражеские группы устраивали вылазки за продуктами. Многих ребятишек гоминьдановцы сделали сиротами.

2 февраля 1945 г. правительство на своем заседании приняло решение организовать для сирот детские дома. Министр просвещения Хабиб Юничев после взятия Айранбага побывал там, чтобы на месте выяснить положение. Приметив среди сирот очень больного мальчугана, он завернул его в пальто и принес в больницу. От него Юничев заразился тифом, заболел и вскоре умер.

Во время боев мы вывели из строя 40 самолетов противника, а оружием, захваченным у гоминьдановцев, можно было отлично вооружить целую дивизию. Если бы противник не испытывал затруднений с продовольствием и не пал духом, то вооружения, боеприпасов и медикаментов ему хватило бы для ведения боев по крайней мере на год.

Таким образом, враг был сломлен в течение 84 дней. Кульджа была освобождена от гоминьдановцев 31 января 1945 г. Опыт революционных боев показал, что для сохранения завоеванного необходимо из разрозненных партизанских отрядов создать регулярную армию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Создание народной армии

Успешные действия повстанцев и партизанских групп против гоминьдановцев привели к тому, что почти все взрослое население уездов Илийского округа вооружилось и встало на защиту завоеваний революции. Мы закрепились на занятых рубежах и успешно отражали попытки гоминьдановцев нарушить налаживающуюся мирную жизнь. По примеру населения Илийского округа начали подниматься на борьбу с гоминьдановцами жители Алтайского, Тарбагатайского округов в районах Аксу и Турфана. Однако неорганизованность и стихийность, слабая дисциплина повстанческих и партизанских групп приводили иногда к отрицательным последствиям.

3 февраля 1945 г. правительство приняло постановление о создании регулярной Национальной армии Восточно-Туркестанской Республики. В постановлении излагались положения о пехотных и кавалерийских формированиях, воинских званиях, знаках отличия, наградах.

8 апреля состоялся военный парад и митинг, на котором официально было провозглашено создание регулярной Национальной армии. Здесь же ей было вручено знамя. Этот день стал считаться днем рождения Национальной армии Восточно-Туркестанской Республики.

В состав Национальной армии вошли Суйдунский, Кульджинский, Кенсайский пехотные полки, Текесские кавалерийский и пехотный полки и другие соединения — всего 13 тысяч солдат и офицеров. Главнокомандующим был назначен Исхакбек Мунинов, его заместителем — автор этих строк. Были назначены командиры соединений, укомплектован штаб, организованы снабженческое и медицинское управления армии.

Для создания и развития Национальной армии республики много сделали репрессированные Шэн Ши-ца-

ем в 1937 г., прошедшие тюрьмы и пытки и освобожденные в 1944 г. представители интеллигенции разных национальностей, такие, как Зия Самеди, Таипхаджи Сабитов и др.

Не теряя времени, мы занялись повышением военной подготовки бойцов и офицеров, стали регулярно проводить военные учения. Для пополнения армии свежими силами были по указу правительства созданы военные отделы и призывные пункты, которые работали очень напряженно и плодотворно. Лучшие сыновья народа добровольно шли на военную службу.

Политико-воспитательную работу среди бойцов и офицеров вели специально созданные группы политработников.

Освобождение Тарбагатайского и Алтайского округов

Наш штаб разработал план операций по освобождению Синьцзяна. Было решено взять под контроль основные дороги от Урумчи к Илийскому, Алтайскому и Тарбагатайскому округам. Главная из них, по которой могли пройти автомашины, вела из Урумчи через Манас к Шихо, отсюда одна ветка шла к городу Дурбульджину, находящемуся примерно в 55 километрах от центра Тарбагатайского округа — города Чугучака; из Дурбульджина через Кобуксар (здесь горный перевал) и Бурчум (на берегу Черного Иртыша) можно попасть в Шарасуме, административный центр Алтайского округа; вторая ветка от Шихо через Цзиньхо и Такианцзы приводит к знакомому уже перевалу Талки, а далее — в Кульджу. Другие дороги здесь малодоступны, труднопроходимы.

Мы наметили несколько направлений для ударов. На северо-восточном направлении наш третий кавалерийский полк должен был идти в Тарбагатайский округ к Дурбульджину и Чугучаку и, освободив их, двигаться в Алтайский округ. Текесский первый пехотный полк, десятый дунганский и второй кульджинский полки, кавалерийский эскадрон и первый батальон четвертого запасного полка должны были овладеть сильно ук-

репленными пунктами Такианцзы и Цзиньхо. Первый суйдунский и монгольский полки, а также отдельный кавалерийский эскадрон и зенитная рота направлялись к городу Шихо, после освобождения которого они должны были продвигаться к столице Синьцзяна Урумчи. На юг, через перевал Музарт к Аксу, направлялись текесский второй кавалерийский полк и кавалерийский эскадрон, но особенно активных действий мы здесь пока предпринимать не собирались. В Кульдже в резерве оставался в полной боевой готовности четвертый запасной полк.

Перед выступлением регулярных частей Национальной армии по намеченным маршрутам были посланы партизанские отряды с заданием уничтожать небольшие группировки гоминьдановцев и держать в страхе их гарнизоны в населенных пунктах. Тохты Алимов и Луфулла Болтиев с отрядом брали под контроль дорогу от Бороталы до Дурбульджина, отряд Казихана — дорогу от Шихо до Манаса, отряд Байчурина спускался с Манасских гор к Чегишеру (между Урумчи и Манасом), активизировались партизаны в Турфане.

В мае 1945 г. Национальная армия по намеченному штабом плану начала наступление против гоминьдановцев на основных направлениях. К июню бойцы под командованием Лескина уже вступили в Тарбагатайский округ. Они перерезали путь сообщения между Шихо и Мопаном (населенный пункт на дороге от Дурбульджина до Шихо) и лишили тем самым гоминьдановцев возможности перебрасывать воинские подразделения по этой дороге.

Третий кавалерийский полк подошел с юго-запада к Дурбульджину и здесь был остановлен упорно оборонявшимся противником. Гоминьдановцы сожгли мост через реку Эмель и вели беспрерывно артиллерийский обстрел наших позиций. Мы перегруппировали силы и после упорного трехчасового боя сломили вражеское сопротивление, ворвались в Дурбульджин и разгромили гоминьдановцев.

Теперь вражеский гарнизон в Чугучаке оказался отрезанным, и гоминьдановцы бежали из города. Чугучак был освобожден.

Через некоторое время было сформировано тарбагатайское окружное управление. Губернатором округа стал Башбай, его заместителями — Мансур и Касымахун.

Население радостно встречало освободителей на всей территории округа, молодежь охотно шла в ряды Национальной армии. Из добровольцев мы сформировали кавалерийский полк, который вместе с нашими частями был направлен к Кобуксару — небольшому городку, значение которого переоценить трудно. Он являлся ключевым пунктом на дороге в Алтай. Гоминьдановцы сосредоточили здесь значительные силы и оказали нам ожесточенное сопротивление.

Позже мы узнали, что гоминьдановцы получили из Урумчи строгую телеграмму с приказом держаться до последней возможности. Гоминьдановское командование угрожало военным трибуналом в случае сдачи Чугучака, Кобуксара и Шарасуме. Но телеграмма не помогла, противник в Кобуксаре был разбит, лишь 60 солдат успели ускакать на лошадях по направлению к Урумчи. Ключи от Алтая были у нас в руках, и наши части двинулись к Бурчуму, встречая по пути всяческую поддержку со стороны населения.

2 сентября мы подошли к Бурчуму. Противнику был направлен ультиматум с предложением избежать кровопролития и сдаться, но гарнизон дал на него уклончивый ответ. Тогда пришлось начать обстрел города из всех видов имевшегося у нас оружия. Это произвело впечатление, гоминьдановцы выбросили белый флаг, в плен сдалось 700 солдат. На следующий день наши бойцы выступили из Бурчума к Шарасуме и 5 сентября подошли к городу. Незначительный отряд гоминьдановцев тут же сдался в плен, а основные силы — около 2 тысяч солдат и офицеров — накануне бежали в горы к границам Монгольской Народной Республики.

Наш полк бросился в погоню за бежавшими гоминьдановцами, которые ушли уже довольно далеко. Около границы МНР путь гоминьдановцам преградил маленький, в 30 человек, партизанский отряд Далелхана Сугурбаева. Казалось бы, что мог сделать плохо вооруженный крошечный отряд против 2 тысяч солдат и офицеров регулярной армии? Но партизаны прибегли к хитрости.

Далелхан приказал на пути следования гоминьдановцев расставить у ущелья чучела, на передние набросить одежду, поставить на горах как можно больше полотнищ на древках. Когда гоминьдановцы подошли к этому

месту, им был предъявлен ультиматум: «Мы народные партизаны Алтая. Нас более 5 тысяч, мы ждали вас. Если немедленно не сдадитесь, пощады не будет». Гоминьдановцы увидели развевающиеся на вершинах гор знамена, сотни «солдат»... и сдались. Партизаны заставили их сложить оружие, а к этому времени подоспели и солдаты Национальной армии Исхакбека Мунинова.

Приказом штаба Далелхану Сугурбаеву было присвоено звание генерал-майора, и он был назначен одним из заместителей командующего Национальной армией.

Так завершилось освобождение Алтайского округа.

Население всех трех освобожденных округов с энтузиазмом поддерживало правительство и Национальную армию Восточно-Туркестанской Республики в их борьбе с гоминьдановским засильем и за освобождение всей территории Синьцзяна.

На центральном и южном фронтах

Одновременно с операциями в Тарбагатае и Алтае шли бои на центральном фронте. Здесь проходила главная дорога между Урумчи и Кульджой. Гоминьдановцы сосредоточили на этой магистрали до 10 тысяч солдат и офицеров, на линии Такианцзы — Цзиньхо — Шихо построили многочисленные огневые точки, дзоты и другие укрепления.

Нашими войсками здесь командовал Исхакбек. Первым на пути было укрепление Такианцзы, гарнизон которого состоял из кавалерийского полка противника. Гоминьдановцы вырубили все деревья перед крепостью, сровняли с землею крестьянские домишки, чтобы лишить нас укрытий на подступах к ней. Я и мой помощник возглавили кульджинский второй полк, дунганский эскадрон, эскадрон сибо и первый батальон четвертого полка, которые подошли к крепости. После артиллерийской подготовки мы ринулись на штурм. Но враг оказал сильное сопротивление, и атака захлебнулась. Догадавшись, что у нас кончились мины и снаряды, гоминьдановцы перешли в контрнаступление, но тоже успеха не добились. Перегруппировавшись, мы

Командующий Национальной армией генерал-лейтенант Исхакбек Мунинов

снова атаковали, гоминьдановцы отступили и укрылись в крепости. Мы начали готовиться к новому штурму, а предварительно решили испробовать такой трюк.

Селение Такианцзы окружено холмами, среди них и проходит шоссейная дорога. Мы поставили примерно в 5 километрах от селения 15 грузовых автомобилей, а ночью они с включенными фарами двинулись к крепости. За 2 километра до крепости машины остановились, выключили фары, по заранее подготовленному маршруту незаметно возвратились на прежнее место и опять с включенными фарами отправились к Такианцзы. Пять раз мы проделали такую операцию. У гоминьдановцев создалось впечатление, что к нам подошла подмога на

большом количестве машин. Среди вражеских солдат началась паника.

Ровно в полночь мы взорвали крепостную стену и бросились на штурм. Часть гоминьдановских солдат успела бежать...

Наше командование решило разделить войска центрального фронта на две самостоятельные группы, которые, однако, должны были поддерживать между собой постоянную связь. Этим группам войск предстояло одновременно атаковать гоминьдановцев, укрепившихся в Цзиньхо и Шихо. Для обеспечения операции надо было полностью очистить от противника уезд Боротала, населенный в основном монголами. Мы направили туда монгольский кавалерийский эскадрон под командованием Ирдя Булгунуна, который пользовался большим авторитетом среди местных жителей. Население всеми силами и средствами помогло изгнать гоминьдановцев из родных мест. Нашими бойцами в уезде было уничтожено 200 гоминьдановских солдат и офицеров.

Наш первый полк подошел к Чипэйцзы (примерно в 60 километрах к северу от Шихо) и уничтожил там первый кавалерийский полк гоминьдановцев. 3 сентября наши передовые части подошли к Шихо, а 5 сентября начался бой за город. Гоминьдановцы укрылись за крепостными стенами, в дзотах, пагодах и на других удобных позициях, под прикрытием броневиков и артиллерии они переходили в контратаки. У нас было мало орудий, да и качество их было хуже, чем у гоминьдановцев, по численности мы тоже уступали противнику, но все же выдержали все контратаки и отбросили врага, а 8 сентября взорвали крепостные стены Шихо. Части Национальной армии стали занимать город. Гоминьдановцы, не выдержав натиска, бежали по направлению к Урумчи. В районе Шихо было уничтожено более тысячи вражеских солдат и офицеров, три тысячи попало в плен, мы захватили в боях 27 орудий, 82 пулемета, более 1700 винтовок, танк, английский бронеавтомобиль и большое количество боеприпасов. В плен попал и командир гоминьдановского корпуса Го Чин.

Первый и второй кульджинские полки, эскадрон сибо и суйдунский кавалерийский эскадрон, первый батальон четвертого полка, текесский кавалерийский полк подступили к Цзиньхо. Гоминьдановцы основательно за-

крепились здесь, рассчитывая остановить Национальную армию и нанести ей поражение. Однако главный резерв противника в тылу — в Шихо — был уже ликвидирован...

На подступах к Цзиньхо гоминьдановцы встретили наши части интенсивным огнем. Особенно сильно действовали три дзота. Зихрулла Надиров и Дараев с пятью бойцами попытались пробраться вперед, чтобы взорвать их. Смельчаков заметили, когда Надиров был уже в 20 метрах от дзота. По ним открыли сильный огонь из пулемета. Надиров вскочил и, быстро перебежав к дзоту, швырнул в амбразуру связку гранат. Раздался сильный взрыв... Следом были взорваны еще два дзота. Наши части бросились в атаку и завязали с противником рукопашную схватку.

Группа бойцов проникла в тыл противника и, воспользовавшись знанием китайского языка, стала забирать у гоминьдановских вояк гранаты и ими же уничтожать врагов. Ошеломленные нападением с тыла, гоминьдановцы побежали. Цзиньхо был освобожден, мы захватили большое количество вооружения и боеприпасов. Соединения Национальной армии по пятам преследовали бегущих от Шихо и Цзиньхо гоминьдановцев, уничтожая их. Отступающий противник сжег мост через реку Манас. Национальная армия сосредоточилась в 220 километрах от Урумчи, на западном берегу реки Манас.

По решению правительства Восточно-Туркестанской Республики вооруженные отряды под командованием Насирова и Супахуна 6 июня 1945 г. выступили из Кульджи на юг, в направлении Аксу. При отрядах были представители правительства Камбери и Аббасов. Пройдя перевалы, бойцы, разбившись на несколько групп, с ходу атаковали селение Бай. В бою было убито около 300 гоминьдановцев, захвачено 120 винтовок, 182 копья, 9 ручных и станковых пулеметов, 150 гранат и много патронов. Наш отряд потерял убитыми трех бойцов, командир взвода Аббас Мамединов был ранен, во время боя погибло 20 мирных жителей.

Затем части Насирова и Супахуна подошли к Аксу, атаковали и захватили Старый Аксу, но, когда стали продвигаться к Новому Аксу, встретили ожесточенное сопротивление намного превосходивших по численности и вооружению гоминьдановцев. Нашим отрядам пришлось отступить.

В занятых гоминьдановцами местностях разворачивалось партизанское движение. Несколько раз ездил Исхакбек в Ташкурган на Памире и организовывал там из мужественных жителей «крыши мира» воинские отряды, беспокоившие гоминьдановцев в этом районе.

Вблизи Урумчи действовал партизанский отряд Сеитбатура, взрывавший на дорогах вражеские автомашины и затруднявший сообщение между населенными пунктами. Много неприятностей доставлял гоминьдановцам партизанский отряд Мухиди.

Победы на северо-восточном и центральном фронтах укрепили мощь Национальной армии, численность ее возросла за счет добровольцев из трех округов до 30 тысяч бойцов и командиров. Теперь предстояло очистить от гоминьдановцев еще семь округов и завершить этим освобождение территории Восточно-Туркестанской Республики. Наши успехи оказали огромное влияние на население южных округов. О победах Национальной армии много говорили и в Турфане, и в Аксу, и в Кашгаре, и в Хотане, прихода ее там ждали.

Мы готовились к взятию города Манаса. Партизанский отряд под командованием Казихана переправился через реку Манас и, обойдя стороной город, атаковал селение Хутуби, находящееся примерно в 60 километрах за Манасом в сторону Урумчи. Наиболее трусливые гоминьдановские руководители стали на самолетах удирать в Центральный Китай.

Соглашение из 11 пунктов

Гоминьдановские правители поняли, что им уже не удержать в полурабском состоянии народ Синьцзяна, и предложили нам переговоры. Наше правительство ясно представляло, что гоминьдановцы идут на переговоры только из желания избежать окончательной и полной ликвидации своей власти в провинции. Тем не менее руководители национально-освободительного движения решили не продолжать дальнейшей кровопролитной войны и попытаться достигнуть мирного и демократического решения «синьцзянской проблемы».

В качестве первого шага наш штаб отозвал из-под Хутуби отряд Казихана обратно, к Манасу.

Нам нечего бояться переговоров, авторитет восточно-туркестанского правительства среди народов Синьцзяна был необычайно высок, потому что оно отстаивало революционные завоевания не на словах, а на деле, заботилось об улучшении жизненных условий народа. Налоги были уменьшены на 50 процентов, вдвое увеличилась посевная площадь, повысилась урожайность. Продукты питания в Кульдже, например, были в 5—12 раз дешевле, чем в Урумчи; земледельцам и скотоводам для развития хозяйства выдавались ссуды на льготных условиях. Взамен обесцененной гоминьдановской валюты правительство республики ввело в оборот новые деньги. Выделяя для нужд экономики и культуры до трети общего бюджета, оно выпустило также заем, средства пошли на развитие просвещения и культуры. Началось строительство школ, клубов, стали издаваться на разных языках газеты и журналы, словом, Восточно-Туркестанская Республика добилась успехов не только в военной, но и в хозяйственной и культурной областях.

В Урумчи выехала правительственная делегация во главе с Рахимджаном Сабири, но на первых порах переговоры ни к чему не привели. В середине октября в Урумчи прибыла новая делегация, которой руководил Ахмеджан Касими. Начались длительные переговоры о мирном урегулировании «синьцзянской проблемы», на которых основными вопросами были демократия, свобода, мир, единство. Представитель гоминьдановского режима Чжан Чжи-чжун упорно настаивал на достижении сначала «единства и мира», а потом уже «свободы и демократии», другими словами, он хотел, чтобы повстанцы сначала сложили оружие, а уж потом он будет договариваться с ними об обеспечении равенства и демократии. Переговоры тянулись долго. Проницательный и тонкий политик, Ахмеджан Касими энергично разоблачал в своих выступлениях коварные условия гоминьдановцев, ему удалось ввести переговоры в русло делового обсуждения конкретных вопросов.

2 января 1946 г. представители обеих сторон договорились наконец подписать мирное соглашение, состоящее из 11 пунктов. По этому соглашению предстояло провести выборы нового состава правительства, куда должны были войти представители различных национальностей Синьцзяна, избрать местные органы власти.

В синьцзянских учреждениях наравне с китайским языком вводился уйгурский. Соглашение гарантировало населению свободу слова, печати, собраний, вероисповедания, торговли. Особый пункт соглашения предусматривал сохранение Национальной армии. Соглашение внесло несколько дополнений, в одном из них, например, устанавливалось, что в провинциальное правительство должны войти 15 представителей уйгурского народа и 10 представителей от остальных синьцзянских народностей.

Правительство ВТР серьезно отнеслось к заключенному соглашению. Сразу же мы предложили гоминьдановскому командованию принять от нас пленных, которых насчитывалось несколько тысяч. Как помнит читатель, при взятии Айранбага, при освобождении Чугучака, Цзиньхо, Шихо, Алтая гоминьдановцы сдавались в плен сотнями и тысячами.

Теперь наше правительство готово было возвратить пленных гоминьдановцам. Что же могло оно получить взамен? Пленных из Национальной армии у них не было. Мы предложили гоминьдановцам выпустить из тюрем представителей интеллигенции и революционеров. Гоминьдановцы согласились на наше предложение. Мы передали китайской стороне в городе Манасе несколько тысяч пленных, в числе которых, кроме солдат, были генералы, полковники, средний и младший офицерский состав. Взамен гоминьдановцы освободили из тюрем немногим более 200 заключенных, прошедших тяжелые муки и пытки.

В соответствии с достигнутой договоренностью 18 июня 1946 г. было создано объединенное синьцзянское правительство. Председателем его стал Чжан Чжи-чжун, заместителями — Ахмеджан Касими и Бурхан Шахиди (крупный синьцзянский общественный деятель, немало времени просидевший в гоминьдановских тюрьмах). Абдукерим Аббасов был назначен заместителем ответственного секретаря провинциального правительства.

Почти сразу же правительство столкнулось с тем фактом, что гоминьдановцы не собирались выполнять подписанное ими мирное соглашение. Они стали всячески препятствовать участию народа в выборах, не останавливаясь даже перед террором, запугиванием, арестами и убийствами. Они убирали кандидатов, выдвину-

тых населением семи округов, и подсовывали своих. Гоминьдановские чиновники продолжали занимать прежние посты. Вопреки соглашению гоминьдановцы начали энергично увеличивать численность своей армии в Синьцзяне. Становилось ясно, что они пошли на заключение соглашения только для того, чтобы, получив передышку, подтянуть силы из Центрального Китая и затем разгромить Национальную армию и уничтожить Восточно-Туркестанскую Республику. Им казалось, что и обстановка в самом Китае благоприятствует выполнению этого замысла: война с Японией закончилась, Народно-освободительная армия Китая испытывала временные неудачи, США, мечтая об удушении крепнущих сил мира и социализма, обещали щедрую поддержку гоминьдановскому режиму и уже начали оказывать ее.

Гоминьдановцы, не ограничиваясь переброской новых вооруженных сил в Синьцзян, начали вооружать местных контрреволюционеров и готовить их к выступлению против Восточно-Туркестаиской Республики. В семи округах начались аресты передовых деятелей, интеллигенции.

Правительство Восточно-Туркестанской Республики пунктуально выполняло заключенное соглашение и хотело добиться того же от гоминьдановцев.

Выступая 25 сентября 1946 г. в Урумчи на съезде молодых ученых, Ахмеджан Касими говорил, что сущность происходящего в стране движения заключается не только в борьбе за национальное освобождение, но и в борьбе за установление принципов. Наше движение не направлено против какой-то одной национальности, оно направлено против угнетателей. Это должны хорошо представлять себе молодые ученые, должны всегда помнить об этом и принимать участие в борьбе против общего врага — притеснителей и их сообщников. В своем выступлении Касими беспощадно критиковал националистов и указывал на зло, которое они приносят своими действиями.

В начале 1947 г. гоминьдановцы сделали попытку вторгнуться в освобожденные Национальной армией районы Синьцзяна.

Во второй половине февраля было созвано чрезвычайное заседание провинциального правительства. Ахмеджан Касими и другие представители трех округов

выразили на нем возмущение вероломными действиями гоминьдановцев.

22 февраля уйгурское население Урумчи устроило многолюдную демонстрацию, протестуя против нарушения гоминьдановцами мирного соглашения. Ответственный секретарь провинциального правительства Лю Мэнчунь немедленно пригласил к себе начальника разведки Лян Кэ-шуна, руководителя административного отдела Хуан Ши-гуна, руководителя департамента социального обеспечения Лю Шао-ли и некоторых других, чтобы подумать о том, как разогнать демонстрацию.

На следующий день командующий гоминьдановскими войсками в провинции генерал Сун Си-лян решил организовать контрдемонстрации. Он вызвал к себе начальника разведывательной службы Ли Хун-ена и долго совещался с ним, как это лучше сделать. Они приняли решение использовать националистические лозунги и начали группировать своих приспешников. Им удалось обманным путем собрать 24 февраля достаточное количество людей на демонстрацию. «Демонстранты» обратились к правительству с требованиями, прямо противоположными лозунгам предыдущей демонстрации. Перед собравшимися выступил Ахмеджан Касими. Выслушав его убедительное выступление, подавляющее большинство «демонстрантов» разошлось по домам.

На следующий день гоминьдановскими реакционерами был организован инцидент, вошедший в историю Синьцзяна как «событие 25 февраля». С раннего утра город Урумчи был наполнен полицией. Множество шпиков, военнослужащих, жандармов, переодетых в штатское и прятавших под одеждой оружие, начали выгонять жителей на улицы, вынуждая их участвовать в митингах и толпами ходить по улицам. Перед зданием правительства раздавались крики: «Отомстим за кровь китайцев, убитых в Илийском округе!» «Уйгуры должны быть наказаны!», «Уничтожить делегатов трех округов!», «Разогнать Национальную армию!». С воплями они ворвались в здание, разбивая стекла в окнах, убили шофера и постового Бурхана Шахиди. Провокаторы требовали, чтобы к ним вышел Ахмеджан Касими, думая воспользоваться моментом и убить его и других представителей трех округов.

В это время шло заседание правительства, на ко-

тором Ахмеджан потребовал соблюдения соглашения и заявил, что в случае отказа представители трех округов выйдут из состава правительства. В комнату ворвался Ли Хун-ен, известный жестокими казнями многих людей в Турфане, Пичэне, Токсуне... Этот человек подал «от имени народа» прошение, потребовав немедленного ответа. Остальные гоминьдановцы, услышав под окнами шум и крики, совершенно обнаглели. Они заявили делегатам Восточно-Туркестанской Республики:

— У вас два пути: либо вы выметаетесь отсюда, либо переходите к нам и остаетесь с нами.

Ахмеджан Касими ответил им с достоинством:

— У вас тоже два пути. Первый — вы открываете дверь, и нас убивает разъяренная толпа; второй — вы уводите этих людей тем же способом, каким привели сюда. Любой из этих вариантов сейчас для вас безвреден.— Обернувшись к гоминьдановцу, он добавил:

— А вы?.. Какой же вы представитель народа? Мы с вами не будем разговаривать. Уходите отсюда!

Население Урумчи было возмущено действиями распоясавшихся провокаторов. Назревали беспорядки, столкновения. Власти распорядились закрыть урумчинские ворота, на стенах крепости были расставлены пулеметы. Телефонную связь делегатов Восточно-Туркестанской Республики с командованием Национальной армии прервали. Слухи о событиях в Урумчи распространялись среди населения окрестных сел, вызывая возмущение провокационными выходками гоминьдановцев. В это время я исполнял обязанности командира наших пограничников на Манасе. Услышав об урумчинских событиях, я, полковник Байчурин, мой адъютант Аблай Насиров и шофер Балгунбек, знавший китайский язык, на автомашине выехали к гоминьдановцам. Мы встретились с полковником Гу и потребовали, чтобы он вместе с нами выехал в Хутуби. Полковник Гу переговорил по телефону с командиром дивизии в Хутуби. И хотя тот не разрешил нам ехать, мы тем не менее поехали. Гоминьдановцы направили на нас пулеметы, но стрелять не решились.

Разговор с командиром дивизии в Хутуби начался у нас на повышенных тонах. Мы заявили, что знаем о передвижениях гоминьдановских войск, и предупредили, что напрасно гоминьдановское командование надеется

на их силу, потому что за нами — народ, который, если будет нужно, возьмется за оружие, а наша Национальная армия достаточно сильна и готова войти в Урумчи для защиты своих делегатов.

Командир дивизии телеграфировал командующему в Урумчи о нашем разговоре и после этого как-то сразу переменился, стал весьма вежливо успокаивать нас и даже лично проводил до Манаса.

Гоминьдановцы знали, что части Национальной армии в районе Манаса были в полной боевой готовности, и не решились идти на столкновение. Они перестали задерживать делегатов Восточно-Туркестанской Республики, которые, не дождавшись от гоминьдановцев соблюдения условий мирного соглашения, вышли из провинциального правительства. Объединенное правительство, таким образом, не просуществовало и года, распалось из-за вероломства гоминьдановцев. Весной делегаты вернулись в Кульджу.

Провокации гоминьдановцев

Гоминьдановцы, ободренные щедрой американской «помощью», продолжали в 1947 г. усиливать нажим на Восточно-Туркестанскую республику. Они не ограничились введением контингентов войск в пограничную зону. Провозгласив принцип «местными будут править местные», они вызвали из Центрального Китая своих верных приспешников — Масуда, Махамматимина и Айсбека. Эти люди, известные своими происламистскими и профашистскими взглядами, обласканные гоминьдановской верхушкой, готовы были верно служить ей.

Масуд прибыл вместе с американскими советниками и поселился в Урумчи, в районе Абадбага. Свой дом он превратил в филиал американской разведки в Синьцзяне. Они неоднократно собирались здесь, обсуждая планы дальнейших действий и мечтая об организации подрывной работы и прямых выступлений против Советского Союза.

В мае 1947 г. гоминьдановцы сформировали новое, как они назвали, «национальное правительство», поставив его председателем Масуда. С первого дня Масуд и его «правительство» начали энергично подавлять

демократические силы. В ответ население провело почти во всех крупных городах Синьцзяна многолюдные демонстрации протеста против назначения Масуда, а в Хами, Турфане, Урумчи и других городах Южного Синьцзяна начались волнения крестьян и выступления городской молодежи. Прогрессивные силы объединялись для борьбы против гоминьдановской марионетки, ставя целью добиться подлинной демократии, равенства и свободы.

Массовые митинги протеста против правительства Масуда прошли и в Кульдже, Чугучаке, Шарасуме. Правительство Восточно-Туркестанской Республики было буквально завалено письмами протеста.

Гоминьдановцы продолжали вводить в Синьцзян все новые и новые войска. Содержание их очень дорого обходилось населению. В поисках выхода из трудного экономического положения Масуд призвал народ Синьцзяна начать с 17 июня 1948 г. движение за то, чтобы «не употреблять в пищу мясо». По его словам, отказ от мяса улучшит материальное положение людей труда, избавив от необходимости тратиться на покупку этого дорогого продукта, и в то же время укрепит их здоровье, так как мясо вредно действует на человеческий организм.

На самом же деле он хотел с помощью подобных мер снизить потребление мяса и создать резервы для улучшения снабжения гоминьдановцев.

Ассоциация защиты мира и демократии в Синьцзяне

Происшедшие события раскрыли народу глаза на многое. Ведь Масуд действовал под националистическими и панисламистскими лозунгами. Зловещий смысл этих лозунгов проявился отчетливее, когда ими стали прикрывать свои грязные дела гоминьдановские прихвостни и бандиты.

Народ понял, что для окончательного освобождения необходимо искоренять национализм, укреплять дружбу между национальностями Синьцзяна. Повышалось классовое самосознание трудящихся. Правительство Восточно-Туркестанской Республики столкнулось не только с

экономическими трудностями, но и с политическими. Ахмеджан Касими занял единственно правильную — принципиально классовую позицию. Он безоговорочно встал на защиту интересов трудового народа и в своих выступлениях беспощадно разоблачал классовых врагов. В результате была устранена царившая в идеологической работе неразбериха, яснее определились друзья и враги революции, укрепились дружеские взаимоотношения между национальностями, населявшими республику. Требовалось коренное улучшение политико-воспитательной работы среди бойцов и командиров Национальной армии. Необходимо было давать конкретные и правдивые ответы на многие вставшие перед бойцами сложные вопросы политической жизни республики, необходимо было воспитывать высокую бдительность по отношению к происках врагов, которые действовали очень хитро и коварно, засылали агентов, пытались посеять национальную рознь. Для того чтобы успешно справиться с возникшими задачами, требовалось сплотить прогрессивные силы республики, направить их к достижению единой цели. Этого можно было добиться только путем создания массовой политической организации.

В августе 1948 г. по инициативе Ахмеджана Касими была создана Ассоциация защиты мира и демократии в Синьцзяне, объединившая передовые силы провинции, сплотившая их в единый демократический фронт. Число ее членов быстро росло и вскоре достигло более 80 тысяч человек.

Ассоциация поставила перед собой задачи: обеспечить свободу слова, печати, собраний, организаций и вероисповедания; для всех национальностей Синьцзяна обеспечить равные права на занятие любой должности в государственных учреждениях; провести в жизнь принцип избрания на административные должности лиц, заслуживающих доверие народа; создать культурно-просветительные общества и другие организации; предоставить народам Синьцзяна право издавать на родном языке газеты, журналы, учебники и другую литературу; увеличить число школ, открыть интернаты для бедноты, где обеспечить учащихся бесплатным питанием и одеждой, открыть ремесленные училища, специальные, средние и высшие учебные заведения, строить театры и кинотеатры, радиофицировать провинцию; судопроизводство ве-

Руководитель ВТР Ахмеджан Касими

сти на родных языках народов Синьцзяна; женщинам обеспечить с остальными гражданами равные политические права; увеличить число больниц и амбулаторий и других лечебных учреждений, организовать бесплатное оказание медицинской помощи трудящимся; обеспечить для всех национальностей равные права на владение землей, пастбищами, зимовками, скотом, орудиями производства и другим движимым и недвижимым имуществом; собственность граждан объявить неприкосновенной; развивать работу по обработке земли и организации орошения, улучшению состояния зимовок скота с целью увеличения его поголовья.

В программе подчеркивалось, что Ассоциация защиты мира и демократии в Синьцзяне берет на себя обяза-

тельство выполнить волю народа и разрешить самые наболевшие вопросы его жизни при поддержке и с помощью всего народа. Эта организация боролась не на словах, а на деле против господства гоминьдановцев, за подлинные дружбу и равенство. Она усиливала идейную работу в частях Национальной армии. Для пропаганды своих идей она издавала в Кульдже журналы «Иттипак» («Союз») и «Алга» («Вперед»), в Чугучаке — газету «Халикчилик газети» («Народная газета») и в Шарасуме — газету «Тогра юл» («Верный путь»).

Восстание трех округов во многом отличалось от всех прежних национально-освободительных движений, как правило, ставивших перед собой весьма ограниченные задачи. Основной целью нашей революции было свержение гоминьдановского господства, а в области внешней политики она была направлена против международного империализма и, таким образом, не ставила узконационалистических задач.

«Острие освободительной борьбы национальностей нашей провинции направлено против пережитков феодализма в Китае, милитаристов, против их союзника и защитника — мирового империализма. Китайские демократы ведут борьбу против пережитков феодализма в Китае и их военно-политической силы — гоминьдановского контрреволюционного господства, против их союзника — мирового империализма. Раз это так, то китайские демократы — наши союзники, а китайские милитаристы, контрреволюционный гоминьдан и мировой империализм — наши заклятые враги»,— писал Ахмеджан Касими.

Одним из основных достижений восстания трех округов является создание из разобщенных маленьких партизанских отрядов Национальной армии с единым централизованным командованием. Немалую роль в успехах революции трех округов сыграло экономическое сотрудничество с Советским Союзом, его неизменная политика поддержки народов, борющихся за национальное освобождение.

Национальная армия росла и закалялась в ожесточенной борьбе с врагом, имевшим численное превосходство, она вооружалась за счет захваченного у врага оружия. Командиры ее — это выходцы из народа, победы ее в борьбе с превосходящими по численности, лучше

вооруженными и обученными гоминьдановскими войсками обеспечивались народной поддержкой и идейной убежденностью бойцов в правоте своего дела. Национальная армия являлась важнейшей и надежной опорой революции. Вот почему Ахмеджан Касими, Исхакбек и другие руководители республики не жалели сил и времени для воспитательной работы среди бойцов.

Восточно-Туркестанская Республика не имела настолько крепкой, развитой экономики, чтобы полностью содержать армию, поэтому приходилось выделять значительную часть воинских соединений для работы в сельскохозяйственном производстве.

Выдающуюся роль в создании и политическом воспитании Национальной армии сыграл Ахмеджан Касими, ведавший в правительстве военным отделом. Бойцы знали, что он происходил из бедной семьи, они уважали и любили этого обаятельного человека. Он всегда находил время побеседовать с солдатами о их делах и заботах, постоянно напоминал им о том, что армия — опора республики, что бойцы — представители народа и его интересы им понятны и близки и что поэтому народ верит своей армии и надеется на нее.

Касими уделял много внимания претворению в жизнь принципов демократизма. Он учил командиров не опираться в своей деятельности исключительно лишь на волевые методы, но и советоваться с рядовыми, прислушиваться к их мнениям. Ахмеджан находил время выезжать в районы расположения воинских соединений, выступать с лекциями о внешнем и внутреннем политическом положении, разъясняя бойцам и командирам, кто враги революции, предупреждая, что нельзя самоуспокаиваться, надо постоянно помнить о силе и происках врага, беспрестанно засылающего предателей для подрывной работы среди солдат.

После его содержательных бесед все происходящее в республике и Синьцзяне становилось понятным для бойцов и командиров, они упорнее занимались военной подготовкой, активнее работали в хозяйственном производстве, разоблачали паникеров и предателей.

Мне вспоминается случай, хорошо характеризующий заботу Ахмеджана Касими о Национальной армии.

Как-то он зашел на обувное предприятие, выполнявшее заказ по пошиву сапог для армии. Около одного

из сапожников стояла пара готовых сапог. Ахмеджан внимательно осмотрел их и предложил сапожнику:

— Поменяемся?

— Согласен,—ответил сапожник и оглянулся на владельца предприятия.— Хорошо, берите.

— Я поношу их два дня. Потом опять приду к вам. Если они окажутся непрочными, обещаю неприятности и вам, и владельцу.

— Хорошо. Но условимся так: если распорются швы, то виноват я, а если кожа окажется неважной — говорите с хозяином.

Стояла ранняя весна. Таял снег, на дорогах — лужи, грязь. Ахмеджан весь день много ходил по предприятиям, школам, беседовал с людьми. Домой вернулся поздно, очень усталым, и лег спать. Утром, обувая сапоги, он обратил внимание на то, что они потеряли свой первоначальный вид: каблук скосился, подошва раскисла и начала отрываться.

Он возмутился: «Крадут, наверное, материал и шьют из всякой дряни!» Сапоги не выдержали даже одного дня, а ведь бойцам их носить не день и не два...

Ахмеджан пошел к обувщикам, очень сурово и возмущенно говорил с ними и не успокоился до тех пор, пока не добился улучшения продукции.

Восточно-Туркестанская Республика, борясь с происками гоминьдановской реакции и империалистических сил, а также с демагогическими выходками местных реакционеров, решала свои жизненные и хозяйственные проблемы: уровень жизни трудящихся повышался, проводилась громадная работа по развитию просвещения и культуры, укреплялась экономика. Это явление оказалось возможным благодаря тому, что демократические силы молодой национальной интеллигенции при поддержке широких масс сумели закрепить за собой общее руководство национально-освободительным движением, они не дали увлечь его на путь узкого национализма, а сумели стать выразителями коренных интересов народов Синьцзяна.

Существование Восточно-Туркестанской Республики с ее достаточно сильной Национальной армией сделало практически невозможным сопротивление гоминьдановских войск частям Народно-освободительной армии Китая, приближавшимся к Синьцзяну. Настал 1949 год.

Вступление НОАК

Положение в Китае и Синьцзяне быстро менялось. К 1949 г. Народно-освободительная армия Китая, перешедшая в наступление по всему фронту, добилась больших успехов и заканчивала освобождение от гоминьдановцев Северо-Восточного Китая. Гоминьдановские войска терпели поражение за поражением.

В этих условиях им приходилось держать в Синьцзяне наготове против Национальной армии более ста тысяч солдат и офицеров, чувствовавших себя весьма неуверенно. В семи округах значительно возросла возможность революционного взрыва, так как недовольство населения действиями Масуда и его подручных продолжало стремительно нарастать. Гоминьдановцы из боязни потерять здесь все решили разрядить обстановку.

В январе 1949 г. они, под давлением народа, сместили Масуда со всех постов и, по предложению начальника Северо-Западного района Китая генерала Чжан Чжи-чжуна, председателем провинциального правительства назначили Бурхана Шахиди. Это назначение было лишь частичным выполнением народных требований; гоминьдановцы не дали никаких гарантий того, что они будут выполнять мирное соглашение, заключенное 2 января 1946 г.

К этому времени правительство ВТР уже установило связь с руководством Коммунистической партии Китая и договорилось о совместных действиях по освобождению Синьцзяна. Национальная армия должна была отвлекать на себя более чем 100-тысячную группировку гоминьдановских войск в Синьцзяне, не давая ей возможности оказать помощь своим войскам, противодействовавшим Народно-освободительной армии Китая, которая уже вступила в Северо-Западный Китай.

В августе 1949 г. руководители Восточно-Туркестанской Республики — в их числе Ахмеджан Касими, Исхакбек Мунинов, Далелхан Сугурбаев, Абдукерим Аббасов и другие — были приглашены в Пекин для участия в работе Народного политического консультативного совета, которому предстояло провозгласить Китайскую Народную Республику. Самолет, на котором они летели, потерпел катастрофу, все находившиеся на борту погибли. ВТР лишилась лучших своих сынов...

В течение некоторого времени народу не сообщалось о происшедшем. 27 августа в Кульджу доставили тела погибших и похоронили с почестями. В глубоком трауре был народ республики...

27 августа 1949 г. Мао Цзэ-дун направил из Пекина в Кульджу телеграмму с соболезнованием. В ней содержалась оценка революции трех округов: «Революция трех округов является составной частью революции в Китае». Эти слова были высечены на памятнике, установленном на могиле погибших...

В конце сентября 1949 г. провинциальное правительство и командование гоминьдановской армии в семи округах Синьцзяна известили Мао Цзэ-дуна и генерала Пэн Дэ-хуая о своем разрыве с чанкайшистским режимом, о желании перейти на сторону Народно-освободительной армии Китая. Предложение было принято, 13 октября соединения Народно-освободительной армии Китая вошли в Хами, 20 октября — в Урумчи. К концу декабря все населенные пункты Синьцзяна были заняты ею. Национальная армия в контакте с Народно-освободительной армией Китая вступила в Восточный и Южный Синьцзян. Ее третий кавалерийский полк разместился в Кашгаре, а четвертый полк — в Урумчи. Народ Синьцзяна с ликованием встречал своих освободителей, полагая, что отныне национальное угнетение, притеснения, неравенство отошли в прошлое. По всем городам развернулся сбор пожертвований в фонд Народно-освободительной армии. Было собрано 56 170 млн. юаней.

17 декабря 1949 г. был образован Синьцзянский военный округ и сформировано новое правительство. Власть нового правительства распространялась на всю территорию Синьцзяна, Восточно-Туркестанская Республика прекратила свое существование. Национальная армия была преобразована в пятый корпус Народно-освободительной армии Китая. Штаб корпуса разместился в Кульдже, его четырнадцатая дивизия — в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах, а тринадцатая дивизия — в Южном Синьцзяне, где ее, разделив на полки, расквартировали в Аксу, Кашгаре и Хотане. Впоследствии пятый корпус был ликвидирован и перестал существовать как воинское формирование национальностей Синьцзяна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ГЛАВА ПЕРВАЯ 20
ГЛАВА ВТОРАЯ 44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 97

ЗУНУН ТАИПОВИЧ ТАИПОВ
В борьбе за свободу

Редактор *О. Л. Горбунова.* Младший редактор *Н. В. Беришвили.* Художник *С. И. Верховский.* Художественный редактор *И. Р. Бескин.* Технический редактор *С. В. Цветкова.* Корректор *Л. И. Письман*

Сдано в набор 11/II 1974 г. Подписано к печати 24/VII 1974 г. А-09457. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 3,75. Усл. п. л. 6,3. Уч-изд. л. 6,55. Тираж 15 000 экз. Изд. № 2826. Зак. № 149. Цена 22 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука».
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 22 коп.